ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

6.1

ЖУРНАЛ

International Sociological Association

4 выпуска в год на 16 языках

Политика климатических изменений

Герберт Досена

Насильственная демократия в ЮАР

Карл фон Холдт

Экономика солидарности

Пауль Зингер

Кооперативы как альтернатива
> Старейший рабочий кооператив Индии
> Кооперативы корпорации «Мондрагон»
> Греческое движение против рыночных посредников
> «Оздоровление» предприятий в Аргентине
> Конец света или конец капитализма?

Капиталистическая экстракция в Латинской Америке
> Бросая вызов нео-экстрактивизму
> Экстрактивизм и *Buen Vivir* в Эквадоре
> Борьба за общественное в Мексике
> Новый аргентинский экстрактивизм

In Memoriam
> Владимир Ядов, 1929-2015

ТОМ 6 / ВЫПУСК 1 / МАРТ 2016
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГА

> От редактора

Окружающая среда и насильственная демократия

Когда учёные обсуждают изменение климата, они угрожают нам катастрофами, которые влечёт за собой повышение температуры земной атмосферы: наводнениями, торнадо, таянием ледников и тотальной гибелью человечества. Изучая политику в отношении изменения климата, социальные исследователи концентрируют внимание на двух аспектах. Во-первых, они анализируют позиции тех, кто отрицает сам факт климатических изменений и аргументы их могущественных сторонников. Во-вторых, они рассматривают неудачи массовых общественных движений. Однако в этом контексте они часто оставляют без внимания борьбу между глобальными элитами. Последние четыре года Герберт Досена был спикером от «Глобального диалога» на ежегодной Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В своём отчёте о последнем заседании Конвенции в Париже (30.11. – 11.12.2015 г.) он рассказывает о новых союзах, которые заключают между собой элиты. Реформаторы из элит отказываются от попыток ослабления консервативных сил, имеющих большинство в конференц-залах. Вместо этого они стараются найти потенциальных союзников среди низовых общественных движений. Однако торжественные обещания – это пока единственные серьёзные шаги на пути к спасению мира, которые были вынесены на обсуждение в Париже.

В этом выпуске мы публикуем интервью с Карлом фон Холдтом, ветераном движения против апартеида и выдающимся социологом. Он рассказывает Альфу Нильсену о своём исследовании «насильственной демократии» в ЮАР и о том, как она порождает борьбу за основные ресурсы среди населения тауншипов. За этим интервью следуют статьи, посвященные другим видам насилия. Маристелла Свампа с коллегами описывают новую экономику экстрактивизма, опустошающую Южную Америку. Жадные до прибыли транснациональные компании, работающие в разных отраслях – от горной промышленности и нефтедобычи до агробизнеса и производства сои – осуществляют мега-проекты, стимулируемые ненасытным аппетитом растущей экономики Китая. Государства, нуждающиеся в средствах, поощряют эти проекты. Статьи, посвященные положению дел в Аргентине, Мексике и Эквадоре, показывают, что такие проекты сталкиваются с яростным сопротивлением со стороны общественных движений, члены которых защищают свою землю, воду и воздух.

Мы также публикуем шесть статей о кооперативах в Индии, Греции, Испании и Аргентине – о том, как они выживают и какой ценой. Являются ли кооперативы альтернативой капитализму, или же, как утверждает Лесли Склэр, это одно из проявлений адаптации к капитализму? Пауль Зингер, национальный секретарь по экономике солидарности в правительстве Бразилии, – несомненно, является одним из выдающихся теоретиков и практиков кооперативного движения. Как видно из его интервью с «Глобальным диалогом», Зингер не пророк-мечтатель: для него кооперативы – возможность для бедных добывать себе пропитание.

Наконец, мы публикуем пять статей в память о Владимире Ядове, ушедшем от нас в прошлом году. Это один из отважных первопроходцев советской социологии, один из тех, кто смог преодолеть жесткие рамки советского порядка. Ядов играл ключевую роль в дебатах о постсоветской идеологии и социальной науке. Он делал все возможное для интернационального развития дисциплины и с 1990 по 1994 год занимал пост вице-президента МСА. Ядов пользовался глубоким уважением своих учеников и коллег, которые тяжело переживают его уход из жизни.

Начиная с этого выпуска, Хуан Пиовани сменяет Марию Хосе Альварес на посту руководителя испанской команды переводчиков «Глобального диалога». Мы приветствуем Хуана и благодарим Махо и её команду за четыре года работы.

> «*Глобальный диалог*» доступен на 16 языках на [сайте МСА]
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Герберт Досена, *присутствовавший на переговорах об изменении климата, анализирует изменения глобальных политических альянсов на Парижском саммите.*

Карл фон Холдт, *учёный и активист, предлагает анализ политической динамики протеста в ЮАР.*

Пауль Зингер, *учёный, политик и публичный интеллектуал, рассказывает о том, как начиналась теория и практика экономики солидарности в Бразилии.*

GD

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту от **SAGE Publications.**

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой.

Помощник редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:
Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина:
Хуан Игнасьо Пьовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бразилия:
Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Соуса, Бенно Альвес, Хулио Давьес.

Индия:
Ишвар Моди, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:
Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибуддин, Доминггус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:
Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Ниайеш Долати, Саид Новрузи, Вахид Ленджанзаде.

Япония:
Сатоми Ямамото, Хикари Кубота, Сюхэй Мацуо, Ютаро Симокава, Масаки Ёкота.

Казахстан:
Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мади, Алмаш Тлеспаева, Алмас Рахимбаев.

Польша:
Якуб Барщевски, Эва Цихоцка, Мариуш Финкельштейн, Кшиштоф Губаньски, Кинга Якела, Юстына Косьциньска, Мартына Мацюх, Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска-Заяц, Адам Мюллер, Патрыцья Пендраковска, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Юстына Зелиньска, Яцек Зых.

Румыния:
Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Роксана Альонте, Костинел Ануца, Руксандра Йордаке, Михай-Богдан Марьян, Рамона Маринаке, Анка Михай, Аделина Морошану, Рареш-Михай Мушат, Марьян Валентин Нэстасе, Оана-Элена Негря, Даниэль Попа, Диана Тихан, Элисабета Тома, Элена Тудор, Кармен Войня.

Россия:
Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова.

Тайвань:
Чжин-Мао Хо.

Турция:
Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Консультант редактора: Ана Виллarреаль.

> В номере

От редактора: Окружающая среда и насильственная демократия **2**

Политика климатических изменений
Герберт Досена, США **4**

Насильственная демократия ЮАР: интервью с Карлом фон Холдтом
Альф Нильсен, Норвегия **7**

> КООПЕРАТИВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА

Экономика солидарности, интервью с Паулем Зингером
Густаво Танигути, Ренан Диас де Оливейра, Бразилия **11**

Уралунгал — старейший кооператив Индии
Мишель Уильямс, ЮАР **14**

Кооперативы корпорации «Мондрагон»: успехи и вызовы
Шаррин Касмир, США **16**

Движение против рыночных посредников в Греции
Теодорос Ракопулос, Норвегия **18**

«Оздоровление» предприятий в Аргентине
Хулиан Ребон, Аргентина **20**

Конец света или конец капитализма?
Лесли Склэр, Великобритания **22**

> КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСТРАКЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Бросая вызов нео-экстрактивизму в Латинской Америке
Маристелла Свампа, Аргентина **24**

Экстрактивизм и *Buen Vivir* в Эквадоре
Уильям Захер и Мишель Баэс, Эквадор **26**

Борьба за общественное в Мексике
Мина Лорена Наварро, Мексика **28**

Новый аргентинский экстрактивизм
Мариан Сола Альварес, Аргентина **30**

> IN MEMORIAM: ВЛАДИМИР ЯДОВ, 1929-2015

Жизнь, посвящённая открытой социологии
Михаил Черныш, Россия **32**

Учёный и гуманист
Андрей Алексеев, Россия **34**

Учитель, коллега и друг
Татьяна Протасенко, Россия **36**

Личные воспоминания
Валентина Узунова, Россия **38**

Историческая фигура советской и постсоветской идеологии
Геворг Погосян, Армения **39**

> Политика климатических изменений

Герберт Досена, Университет Калифорнии в Беркли, США, член Исследовательского комитета МСА по рабочему движению (ИК 44)

Уличные протесты во время Конференции по климату в Париже. Фото Герберта Досены.

По мнению некоторых активистов, линия фронта в глобальном конфликте, разгоревшемся вокруг изменения климата, проходит у неприступных стен конгрессов-центров, где заседают экологические саммиты ООН. Снаружи, «движение» или «народ» из разных стран маршируют по улицам, требуя «Менять систему, а не климат!». Внутри - представители государств и корпораций борются за сохранение статус-кво. Так, ветеран экологического движения Ребекка Солнит в статье, написанной накануне последнего климатического саммита ООН, видит линию водораздела между «народом на улицах Парижа» и «людьми в конференц-зале Ле Бурже». Она утверждает, что именно в руках первых сосредоточена власть, которая может «изменить мир».

Такое разделение между «конференц-залами» и «улицами», транслируемое как представителями движения, так и аутсайдерами, играет ключевую роль для понимания тенденций в политике изменения климата. Но оно также замаскировывает меняющуюся и все более сложную линию конфронтации с обеих сторон и не позволяет увидеть, как некоторые «люди в конференц-залах» пытаются одержать верх над «народом на улицах», предлагая изменить систему, чтобы сохранить статус-кво.

> Борьба в конференц-залах

Многие, если не большинство государственных чиновников, бизнесменов, экспертов и других акторов в конференц-залах действительно мобилизуются, чтобы оставить систему неизменной. Заботясь лишь о конкурентоспособности своей страны или прибыльности своей компании, они постоянно противостоят регулированию мирового капитализма с целью борьбы с изменением климата, и многое из того, что они сделали, действительно можно считать попыткой извлечь прибыль из катастрофического положения планеты.

Но не все завсегдатаи коридоров власти столь недальновидны. Действительно, начиная с 1970-х и 1980-х годов, существует фракция в составе мировой элиты, которая мо-

>>

билизуется для “изменения системы», при этом ставя перед собой цель - сохранить ее капиталистическую сущность в нетронутом виде. Стараясь противостоять радикальной интеллигенции и активистам, собирающим вокруг себя все большее число сторонников радикального изменения системы или уничтожения капитализма ради решения глобальных экологических проблем, свободная и ни в коем случае не унифицированная сеть представителей элит развитых и развивающихся стран, начала формировать коалицию для продвижения идеи об улучшении глобального регулирования, о необходимости реформ и уступок, чтобы как минимум справиться с капиталистическими противоречиями и оказать какую-то помощь тем, кто оказался наиболее затронут глобальным потеплением.

Предлагая «системные изменения при условии сохранения системы», реформистские элиты и их сторонники, занимающие более низкие позиции в социальной иерархии, начали подталкивать более консервативные элиты к самоорганизации и блокированию политики реформ и компромиссов. Начиная с 1980х годов стали усугубляться и противоречия в стане реформистов.

Столкнувшись с более организованной и непримиримой консервативной оппозицией, некоторые реформаторы (мы можем назвать их популистскими реформаторами) - такие, как Фред Крупп из Фонда защиты окружающей среды (Environmental Defense Fund , EDF) или сенатор Ал Гор в США и многие их единомышленники из числа чиновников, руководителей бизнеса и активистов в других странах - высказали мнение, что они могут добиться реформ лишь через примирение с элитами и посредством вступления в альянсы с ними. Дабы создать такие альянсы, они начали лоббировать - как дома, так и на международной арене - регулятивные меры, смягченные в соответствии с требованиями консерваторов. На мировой арене они начали выступать за международные соглашения, предполагающие, что развитым странам будет позволено сокращать выбросы в меньшей степени, чем предполагалось ранее, допуская торговлю карбоновыми квотами и вводя другие рыночные механизмы, а также освобождая их от обязанности оказывать значительную финансовую и технологическую помощь менее развитым странам.

Когда и этими компромиссами не удалось смягчить консервативное сопротивление, реформаторы-популисты заявили о готовности пойти на еще большие уступки, что выразилось в заключении соглашения в Копенгагене в 2009 году, представляющего собой по сути тот же самый договор, что консерваторы предлагали еще в начале 1990-х годов и то же самое соглашение, что, с небольшими изменениями, правительства утвердили на Парижской встрече.

Однако существуют и другие «инсайдеры», которые изначально были настроены скептически по отношению этой стратегии (либо их скепсис рос со временем). Разочарованные тем, что их попытки изменить систему провалились, такие прогрессивные чиновники или члены правительств, фондов и экологических организаций поняли, что они могут спасти реформаторский проект, вступая в альянсы с низовыми организациями, людьми с улицы, но никак не с консервативными элитами.

В открытом письме, написанном в 2010 году, после того как консерваторы в очередной раз отвергли компромиссную версию соглашения, поддержанную такими группами как EDF, директор 1Sky (затем основавший 350.org) Билл МакКиббен писал:

> *Мы должны удвоить инвестиции в построение низовых движений [...] Мы убеждены, что устойчивое недофинансирование низовых организаций сильно подорвало нашу способность продвигать политические решения [...] Конечно, это не та работа, которую можно выполнить за один день - она требует многих лет работы и глубоких, терпеливых вложений времени и материальных ресурсов.*

Такие аргументы приобретают все больший резонанс в реформистских кругах. В широко известном исследовании, проведенном в 2013 году по заказу Фонда семьи Рокфеллеров и ставившем цель узнать, почему экологам так и не удалось протолкнуть свои предложения, известный социолог Теда Скоцпол повторила критику МакКиббена по отношению к «инсайдерской политике», педалируемой такими группами, как EDF. Рекомендация Скоцпол заключалась в построении «широкого народного движения».

> Реформаторы на улицах города

В соответствии с этой стратегией, по крайней мере, с конца 2000х годов популистские реформаторы старались «удвоить» свой «вклад» в «построение низовых общественных движений», затрачивая больше энергии, внимания и ресурсов на мобилизацию более или менее тех же самых групп, что задействуют радикалы в построении своих радикальных проектов.

Чтобы добиться поддержки этих групп, реформаторы выступили с поддержкой предложений, давно выдвигавшихся радикалами в качестве «программы-минимум». Так, хотя они в принципе не сопротивляются рыночным механизмам регулирования (таким как торговля карбоновыми квотами), Маккиббен и его сторонники в Greenpeace и других экологических организациях поддерживают меры более непосредственного внерыночного регулирования– такие, например, как прямой запрет на использование ископаемого топлива, который помог бы улучшить качество жизни напрямую затронутых сообществ. Они выдвигают предложение «оставить нефть, уголь и газ в земле», впервые популяризованное радикальными антикапиталистами.

Реформаторы из элит давно призывают к более смелым и решительным международным соглашениям, предполагающим радикальное сокращение выбросов для развитых стран, полный отказ от торговли карбоновыми квотами, ужесточение правил торговли и выполнение значительных финансовых и технологических трансферов в пользу подчиненных групп. Логично, что в целом они выступили против Копенгагенского соглашения 2009 года и достаточно критично отнеслись к похожему на него Парижскому соглашению, подписанному незадолго до него.

Убедившись в том, что тактики партнерства с бизнесом и политического лоббирования не эффективны для продвижения «климатических мер», реформаторы решили сосредоточить усилия на сотрудничестве с различными «аутсайдерами» - студентами, рабочими, сельскими общинами и другими исключенными из инсайдерских кругов – чтобы вступить в более жесткую конфронтацию с корпорациями и правительствами.

>>

Хотя сам МакКиббен и избегает антикапиталистических заявлений, он пригласил к участию в Совете 350.org известного анти-неолиберального идеолога и революционера-антикапиталиста. Локальные активисты 350.org поддерживают низовую борьбу с угольными энергетическими проектами и другими проектами «грязной энергии» не только на Глобальном Севере, но и в таких странах, как Филиппины.

В Париже Маккиббен и другие активисты 350.org даже организовали имитацию «народного трибунала», на котором подвергли «уголовному преследованию» гигантскую нефтяную корпорацию Exxon за финансирование «климатических скептиков» и политиков, выступающих против экологических активистов. Они тесно сотрудничали с анархистскими или анти-капиталистическими группами прямого действия в предоставлении ресурсов для массовых акций гражданского неповиновения в последний день саммита, что другие, более умеренные реформистские группы либо игнорировали, либо осудили.

Однако вступая в союз с радикальными группами и предпринимая более конфронтационные действия, популистские реформаторы так и не могут отказаться от антикорпоративной позиции в пользу более радикальной антикапиталистической. Так что хотя МакКиббен и компания и выступили с критикой компании Exxon на своем «народном трибунале», они отказались последовать примеру других активистов, устроивших аналогичные трибуналы и осудивших все корпорации и власти, вносящие вклад в «изменения климата» через воспроизводство капитализма.

Аналогичным образом, члены 350.org помогали организовать массовую акцию гражданского неповиновения в последний день саммита в Париже. Однако, в то время как другие организаторы напрямую заявили участникам, что они выступят против государств и капиталистов, представленных деловыми районами Триумфальной арки и Ла Дефанс, материалы, распространявшиеся сайтом 350.org указывали на то, что для них основным, если не единственным врагом являются компании, занимающиеся ископаемым топливом, или «плохие капиталисты». В день самой акции маленькие и недофинансируемые группы анархистов и антикапиталистов принесли самодельные плакатики с лозунгами «Unf*ck the system" или "Capitalism: c'est has been». В тоже время более обеспеченные члены 350.org развернули гигантские транспаранты размером 2X200 м.с лозунгами «Остановите климатические преступления!» и «Оставь это в земле!» Эти лозунги, несомненно, затмили все другие надписи и баннеры, в том числе и центральный «Меняем систему, а не климат!»

> Уличный раздел

Призывы части реформаторов к более решительным действиям против консервативных элит без попытки бросить вызов системе стали яблоком раздора для радикалов. Радикалы раскололись на два лагеря в условиях когда консерваторы блокируют реформы, способные смягчить участь сообществ, затронутых добычей углеводородов и глобальным потеплением, а популисты стремятся добиться их реализации. В одном лагере находятся радикальные сети и организации, которые считают, что необходимо вступать в альянсы с любыми реформаторами или популистами, чтобы как минимум защитить даже ограниченные реформы, блокируемые консерваторами. Такие радикалы развивают реформаторский дискурс, подчеркивая, что климатический кризис в основном вызван недостатком глобального регулирования капитализма, что проблему можно решить улучшив регуляционные механизмы, а также что «враги» - это в основном (если не исключительно) – углеводородные компании, «плохие капиталисты», «плохие элиты», сопротивляющиеся глобальному регулированию. В другом лагере оказались радикалы, которые решили отказаться от таких альянсов, надеясь добиться более фундаментальных изменений. Они настаивают на том, чтобы продвинуться дальше реформистского дискурса, объявив, что отсутствие глобальной регуляции само по себе укоренено в противоречиях капитализма, что лишь уничтожение капитализма как такового приведет к решению проблемы. «Врагами» этого лагеря являются даже так называемые «добрые капиталисты» и «хорошие элиты» - то есть те, кто пытается «изменить систему», чтобы в действительности оставить ее неизменной.

Таким образом, линия фронта никогда не пролегала между «инсайдерами» и «аутсайдерами» климатических саммитов ООН. Она пролегает и внутри конференц-залов, и на улицах. Сможет ли – и если да, то как – «народ на улицах» захватить «власть для изменения мира» и взять верх над «людьми к конференц-залах» во многом будет зависеть именно от того, кто одержит победу на улице. ■

Корреспонденцию направлять Герберту Досене на адрес <herbertdocena@gmail.com>

> Насильственная демократия в ЮАР

Интервью с Карлом фон Холдтом

1993 год: Карл фон Холдт участвует в протестном марше альянса АНК во время политического перехода ЮАР от апартеида к демократии.

У **Карла фон Холдта** за плечами долгая и запоминающаяся история политического активизма и научной деятельности. В то время, когда рабочий класс диктовал направление движения южноафриканского общества, фон Холдт был редактором журнала *South African Labor Bulletin* (Южноафриканский Вестник Труда). Он работал в NALEDI – Национальном институте труда и экономического развития, учреждённом Конгрессом южноафриканских профсоюзов, и в 1996-97 гг. был координатором Комиссии по вопросам будущего профсоюзов COSATU. Совсем недавно он представлял профсоюзы на заседаниях Национальной комиссии по планированию ЮАР. Сейчас он занимает пост директора Института «Общество труд. и развитие» Витватерсрандского университета в Йоханнесбурге. Среди множества его публикаций – один из важнейших аналитических трудов, посвящённых переходу ЮАР к демократии: *Transition From Below: Forging Trade Unionism and Workplace Change in South Africa* («Переход снизу: становление профсоюзов и перемены на рабочих местах в ЮАР»). Совместно с Майклом Буравым он написал книгу *Conversations with Bourdieu: The Johannesburg Moment* («Диалоги с Бурдьё: значение Йоханнесбурга», 2012). Его последние исследования посвящены функционированию институтов, коллективному насилию и жизни сообществ, насильственной демократии, гражданству и гражданскому обществу. Фон Холдт является членом ИК МСА по рабочему движению (RC44). Интервью проводил Альф Гунвальд Нильсен, сотрудник университета г. Бергена. Расширенная версия этого интервью доступна на норвежском языке в бюллетене Норвежской социологической ассоциации.

>>

Когда в 1994 году ЮАР перешла от апартеида к демократии, было ощущение, что после десятилетий борьбы народ одержал блестящую победу. Все были полны надежд на светлое будущее. Новый президент Нельсон Мандела объявил: «Из опыта затянувшейся человеческой катастрофы невероятных масштабов должно родиться общество, которым сможет гордиться всё человечество». И вот через какие-то двадцать лет социальные реалии Южной Африки показывают ухудшение. Несмотря на новые политические свободы, сохраняется глубоко укоренившееся расовое неравенство и бедность. Недовольство, порождённое устойчивым неравенством, вылилось в серию ксенофобских нападений на мигрантов из других африканских стран. Как социологу разобраться в этом сложном и противоречивом сценарии?

> Насильственная демократия ЮАР

«Здесь множество парадоксов, и они вызывают недоумение», – говорит Карл фон Холдт, адъюнкт-профессор и директор Института «Общество труд. и развитие» Витватерсрандского университета. Он говорит это не только как социолог, но как и человек, с 1980-х совмещающий политический активизм с научной деятельностью.

Фон Холдт признаёт важность падения режима апартеида. «Мир, в котором мы жили, – мир расового господства, угнетения, системы повседневного институционализированного насилия, отрицания прав человека – исчез, сбросив с нас тяжкое бремя». Вместе с тем в ЮАР продолжает существовать скрытая и на первый взгляд неподдающаяся коррекции структура исключения. Однако, утверждает фон Холдт, будет неверным предполагать, что изменилось лишь немногое. Скорее, перемены, происходящие сегодня в Южной Африке, нелегко поддаются концептуализации. «Как в политике, так и в социологии безраздельно господствуют определённые представления о том, каким образом должно работать государство и как должен быть организован социальный порядок. Эти представления сформулированы в контексте западной современности. Когда мы смотрим на самих себя сквозь призму этих представлений, легко прийти к следующему выводу: у нас нет демократии, потому что в нашем обществе много насилия. Это ведёт к тому, что мы опускаем руки перед лицом проблем нашего общества. Однако я полагаю, что мы должны иначе смотреть на вещи. Нам надо понять, каким образом эти представления появляются в западной истории и как они применяются в южноафриканском контексте».

Эта попытка иначе смотреть на вещи побуждает фон Холдта описывать ЮАР как насильственную демократию. Он замечает, что насилие и демократия не исключают друг друга. Это заявление так же верно для европейских государств, как и для современной ЮАР. «В европейском контексте легко помыслить современность как многовековой процесс укрощения населения и выработки мирных способов улаживания конфликтов. Однако при более глобальном рассмотрении очевидно, что эти процессы происходили наряду с колониальными завоеваниями и угнетением, которые также являются неотъемлемыми характеристиками европейского развития. Для нас в ЮАР современность как исторический опыт представляет собой крайне насильственный процесс. Ведь мы четыре века были жертвами насилия!»

По словам фон Холдта, проявления насилия сегодня тесно связаны с важными переменами, происходящими в ЮАР. Новые чёрные элиты формируются в ходе вооруженных столкновений на территории государства. Политическое регулирование в ЮАР, замечает фон Холдт, «закрепляло за гражданами социально-экономические права и права человека. Однако оно также защищало права собственности. Сегодняшнее право собственности в ЮАР формировалось в течение 360 лет колониализма и апартеида, а следовательно, оно имеет расово определенный характер». Так как Конституция ограничивает возможности систематического перераспределения благ, государство играет важную роль в экономике страны. «Безусловно, самым крупным работодателем в ЮАР является государство. Оно обладает значительным бюджетом на различные контракты. Совершаются огромные капиталовложения, и доступ к этим ресурсам становится решающим для формирования элит», – утверждает фон Холдт. «Чтобы прийти к власти и сохранять свои позиции, нужны сторонники, союзники и патронажные сети. Одним из способов построения политического капитала является получение доступа к материальным ценностям и ресурсам и распределение их между соратниками. И наоборот, чтобы стать успешным предпринимателем, нужны политические связи. Таким образом, материальные ценности и политика тесно связаны друг с другом». Борьба за власть принимает насильственный характер, когда различные фракции пытаются иммобилизовать своих соперников: «Вот где начинаются бои, и это жестокие бои».

Насильственная демократия ЮАР также проявляется через протесты бедных сообществ, чаще всего связанные с возмущением по поводу распределения основных благ. Протесты нередко описываются как автономное сопротивление со стороны бедных, однако фон Холдт полагает, что протесты также являются результатом «динамики формирования элит. В свою очередь, эта динамика вызвана тем, что фракции организовывают патронаж, захватывают ресурсы и формируют социальные сети бедняков вокруг межфракционных отношений». Изучая вместе с командой исследователей общественные протесты в провинциях Мпумаланга и Гаутенг, фон Холдт отмечает: «Мы поняли, что между ключевыми фигурами протестов и политическими сетями АНК (Африканского Национального Конгресса) есть устойчивые связи. Люди, возглавляющие протесты, часто принадлежат к той или иной фракции местного отделения АНК, которая стремится получить власть в местной ветви АНК и в местном совете». Однако фон Холдт не считает, что местные политические элиты попросту манипулируют бедняками. «В сообществе есть реальные поводы для недовольства. Если местные политические лидеры хотят стать элитой, им нужно вмешиваться в проблемы бедного населения. И бедняки таким образом используют лидеров, чтобы получить голос и доступ к ограниченным ресурсам. Так что патронаж – это не просто подарок элиты, бедные

>>

2014 год: Карл фон Холдт, социолог, участвует в общественном протесте в посёлке под названием Трабл (букв. trouble - неприятности). Фото Уильяма Матлалы.

также участвуют в создании этой функции и имеют на неё притязания».

И всё же, возможно, в южноафриканском политическом ландшафте происходят значительные перемены. Наиболее серьёзные изменения начались после 16 августа 2013 года, когда во время забастовки шахтёров на шахте Марикана полицейские убили 34 человека. Бойня на Марикане символична для насильственной демократии ЮАР. Эта трагедия повлекла за собой организационный кризис и ослабление контроля АНК над профсоюзами страны. В конце 2014 года в попытках восстановить авторитет левого политического блока был создан Объединённый фронт – большая коалиция прогрессивных социальных движений. В то же время от АНК откололась политическая фракция «Борцы за экономическую свободу» (Economic Freedom Fighters) с агрессивной националистической программой радикального перераспределения благ, что потрясло АНК до самого основания. «Гегемония АНК ослабевает», – говорит фон Холдт, но тут же предупреждает: «Будущее не определено. Несмотря на все признаки разрушения гегемонии, АНК всё ещё занимает ведущие позиции в местных правительствах и сообществах. Это всё ещё очень сильная организация».

> Бурдьё, Фанон и социология насилия

Диагноз «насильственная демократия», который фон Холдт ставит Южной Африке, обусловлен попытками учёного концептуализировать насилие в более общих чертах. В замечательной статье, напечатанной в журнале «*Current Sociology*», учёный исследует высокий уровень насилия, связанный с политикой в отношении протестов в ЮАР. Он ссылается на совместную работу с Майклом Буравым, опубликованную под названием «Диалоги с Бурдьё: значение Йоханнсбурга» (*Conversations with Bourdieu: The Johannesburg Moment. – Wits University Press, 2012*). «Мой вклад в эту книгу, – объясняет фон Холдт, – состоит в попытках прочитать Бурдьё через призму ЮАР, найти пробелы и пустоты в его работах. В то же время мне было интересно рассмотреть на ЮАР через призму работ Бурдьё, так как его труды посвящены тонкой настройке чувства порядка и тому, как этот порядок самовоспроизводится».

В этой своей статье фон Холдт изучает диссонансы и созвучия между понятием символическогонасилия у Бурдьё и описанием колониального насилия у Фанона. «В ситуации колониализма символическое насилие работает не так, как предполагает Бурдьё; его теории недостаточно, чтобы объяснить порядок. Как показывает Фанон, для установления колониального порядка также необходимо применение реального насилия. Однако в то же время понятие символического насилия помогает нам понять, что имел в виду Фанон: расизм и насилие, свойственные колониальному порядку – это не просто физические и материальные явления, но также и явления символические».

«Вот что интересно: Фанон, особенно в поздних более зрелых работах, анализировал колониальный и постколониальный порядок, при которых насилие и современность идут рука об руку. Это территория, где современность, безусловно, пропитана насилием. А Бурдьё – если не считать его путешествий в Алжир в юности – целиком

>>

сформировался в западном контексте мирного функционирования общества. Мне интересно вновь обратиться к работам Бурдьё и задать вопрос о том, работает ли западная современность сейчас так, как он предполагал. Я не так уж уверен в этом. Предположения, высказанные Бурдьё, начинают рушиться, особенно в контексте западного кризиса. Что станет с понятием символического насилия Бурдьё в контексте массовой безработицы? В той ситуации, когда государство перестает предоставлять социальную поддержку гражданам? Когда банки и корпорации пользуются неограниченной властью? Это понятие перестаёт работать».

Возникает вопрос: насколько доводы фон Холдта соответствуют утверждению Джин и Джон Комарофф о том, что Глобальный Юг предлагает уникальное понимание того, как работает современный мир. Фон Холдт отвергает этот тезис. Он говорит: «Я отношусь к этой идее немного скептически, потому что Глобальному Северу всегда удавалось сохранять свою исключительность. Фундаментальным вопросом остаётся следующий: как Север обеспечивает собственное доминирование в области производства знаний и добычи ресурсов. Этого первенства у Севера не отнять. Структура символического доминирования остается прежней». Тем не менее фон Холдт настаивает на необходимости радикального переосмысления отношений Глобальных Юга и Севера. «Некоторые аналитические идеи и концептуальные новшества могут получить развитие на Юге и для Юга. Но они также требуют переосмысления всего концептуального аппарата, принятого на Севере, в том числе тех его аспектов, которые относятся к реалиям Севера».

Насколько эта позиция близка к идее Рейвин Коннелл о необходимости развития «Теории Юга»? В ответ на этот вопрос фон Холдт отвечает: «Мне больше нравится рассуждать о формировании теорий на материале обществ Юга. Мне трудно представить себе альтернативный «южный» способ мышления, потому что наше мышление сформировалось как вполне западное. Как и откуда появится альтернативное знание?» Южноафриканская социология развивается силами людей, которые языком и историей привязаны к мегаполису мировой системы. Фон Холдт предполагает, что это имеет серьёзные последствия для производства знаний. «Я потомок белых колониальных элит, и на этой почве я и работаю. Мы тесно связаны с западными формами производства знания, и поэтому мы должны добраться до их сути и преодолевать их границы. Однако другие учёные, возможно, будут заниматься реконструкцией аборигенной южноафриканской мысли, и это может привести к важной смене вектора в культурно-политическом взаимодействии».

> Публичная социология в ЮАР после апартеида

Поговорив об ограничениях западной социологии, мы перешли к обсуждению проблем публичной социологии в непростом парадоксальном контексте пост-апартеидной ЮАР. Фон Холдт, который в ходе своей профессиональной жизни постоянно совмещает академическую и политическую деятельность, утверждает, что публичная социология не может представлять собой исключительно оппозиционную деятельность. «Прогрессивный социолог часто полагает, что участвует в движениях за освобождение угнетённых. Вот привилегия, которой обладает прогрессивный социологический анализ и которая даёт социологии возможность приобрести политическое значение». Основываясь на этой идее, фон Холдт в 1980-х в интенсивном сотрудничестве с политически активными профсоюзами COSATU организовал свою исследовательскую команду SWOP. Однако после перехода ЮАР к демократии SWOP стала сотрудничать с прогрессивными государственными министерствами. Этот опыт привёл фон Холдта к размышлениям о том, что целесообразно проводить чёткое разделение между прикладными исследованиями, адресованными политикам, и публичной социологией. «Социология, работающая на политический заказ, считается грязным делом, где тебе платят за результаты, угодные властям предержащим. Фактически она скорее способствует поддержанию статус-кво, чем встаёт на сторону реформаторских сил. Когда работаешь с профсоюзами, часто действуешь на поле критики. Но в конце концов всё, чего на самом деле хотят профсоюзы, – это знания, актуальные в контексте современной политики: ведь им нужно вести переговоры. Им нужны варианты решения существующих проблем, а это политический вопрос. Так что я придерживаюсь следующей позиции: и мнение, что публичная социология является некой чистой прогрессивной формой знания, и противоположное мнение, что прикладная социология в некотором роде нечиста и испорчена, – оба неверны. Существует взаимодействие между миром протеста и миром государственного управления».

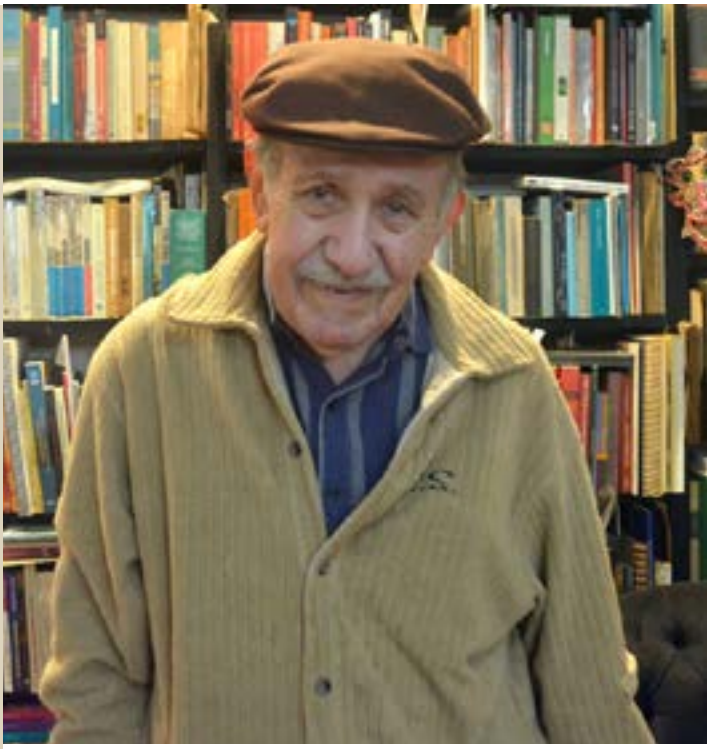
Сегодня в ЮАР обострилась необходимость говорить правду властям. «Мы снова находимся в процессе перемен. Практики и принципы, выработанные нами по отношению к профсоюзам, больше не работают, потому что между профсоюзами появляются разногласия. Старые правила не работают, так что наши практики публичной социологии всё время претерпевают изменения». Однако фон Холдт считает, что это не обязательно означает возвращение к чисто оппозиционной публичной социологии. «Вы находитесь в постоянном поиске компромисса с властями, неважно, хотите ли вы повлиять на то, как проходят протесты и сопротивление, или на то, как происходит управление обществом. А компромисс всегда неудобен. Разумеется, многим людям проще занять критическую позицию. Однако концептуальные новшества рождаются в борьбе с реальностью, которая всё время бросает тебе вызов». ■

Корреспонденцию отправляйте Альфу Гунвальду Нильсену на адрес <alfgunvald@gmail.com> и Карлу фон Холдту на адрес <karl@yeoville.org.za>

> Экономика солидарности

Интервью с Паулем Зингером

Пауль Зингер – один из выдающихся теоретиков экономики солидарности в Бразилии и в мире. Вот неполный список его публикаций: *Desenvolvimento e Crise* («Развитие и кризис») (1968), *Desenvolvimento Econômico e Evolução Urbana* («Экономическое развитие и городская эволюция») (1969), *Dinâmica Populacional e Desenvolvimento* («Динамика населения и развитие») (1970), *Dominação e desigualdade: estrutura de classes e repartição de renda no Brasil* («Доминирование и неравенство: классовая структура и распределение доходов в Бразилии») (1981), *Introdução à Economia Solidária* («Введение в экономику солидарности») (2002). Зингер родился в Вене, столице Австрии, и переехал жить в Бразилию в 1940 году. В 1953 году, в возрасте 21 года, Зингер становится активистом профсоюза сталелитейщиков Сан-Паулу и возглавляет историческую забастовку, которая длится больше месяца. В 1960-х он объединяет активистскую деятельность и интеллектуальные занятия, начав карьеру преподавателя социологии и экономики в Университете Сан-Паулу. В то же время он изучает демографию в Принстонском университете. В конце 60-х годов военная диктатура лишает его политических прав, и он становится одним из основателей небезызвестного Бразильского центра анализа и планирования (Centro Brasileiro de Análise e Planejamento, CEBRAP). Позже Зингер возвращается к преподавательской деятельности, помогает организовать Партию трудящихся (PT), затем получает пост Муниципального секретаря по планированию в Сан-Паулу, и потом становится Национальным секретарём по экономике солидарности. В этом интервью Пауль Зингер рассказывает о своём опыте развития экономики солидарности и о возможных эгалитарных последствиях подобных инициатив во всем мире. Интервьюеры – Густаво Танигути, докторант Университета Сан-Паулу, и Ренан Диас де Оливейра, профессор Университетского центра Фундасан Санту-Андре, Бразилия.



Пауль Зингер.

ГТ&РО: В 1969 году вы вместе с Фернандо Энрике Кардозо, Октавио Янни, Жозе Артуром Жанноттти, Жуаресом Бранданом Лопесом и Франсиско де Оливейрой основали Бразильский центр анализа и планирования (CEBRAP). В самые репрессивные годы военного режима вы были группой критически настроенных интеллектуалов. Чем был так важен CEBRAP как инициатива по обсуждению бедности в Бразилии?

ПЗ: В то время мы проводили исследования бедности, потому что понимали, что это огромная проблема бразильского общества. Однако мы не знали о другой стороне монеты – о достатке, богатстве, как бы это ни называлось. Так что у нас не было возможности измерять бедность так, как мы это делаем сегодня, у нас не было доступа ко всей нужной информации. Я бы сказал, что в то время главной социальной проблемой в Бразилии – по крайней мере, главной для нас в CEBRAP было социальное исключение. А исключение почти всегда является следствием бедности.

ГТ&РО: Вы почти десять лет подвергались политическим преследованиям. Из-за военной диктатуры вы были вы-

>>

нуждены уйти с работы, и только в 1979 году вернулись к академической деятельности, а в 1980-м Вы приняли участие в создании Партии трудящихся* (Partido dos Trabalhadores). *Какие проблемы в то время вызывали дискуссию об экономике солидарности и кооперативах? Каким образом вы были вовлечены в этот вопрос?

ПЗ: Вообще-то никто из CEBRAP в то время не имел дела с экономикой солидарности, я думаю, о ней не было известно. Много позже я обнаружил, что экономика солидарности опиралась на пример католической церкви. Термин «экономика солидарности» ввёл чилийский экономист Луис Разето. Он написал о ней несколько книг. Сейчас он на пенсии, но всё ещё нередко пишет на эту тему. Основание Партии трудящихся в 1980 году, вскоре после амнистии 1979-го, не было связано с дискуссией об экономике солидарности. Я заинтересовался этим вопросом по собственной инициативе. Меня, как и многих других, сильно поразило внезапное исчезновение так называемого «реального социализма». Очень скоро после падения Берлинской стены в 1989-м политические режимы множества стран один за другим стали терпеть крах. Падение так называемого «реального социализма» вызвало идеологический кризис Партии трудящихся. Для нас это стало большим испытанием, потому что мы являемся социалистической партией, которая стремится построить в Бразилии другое общество. Я потратил много времени и сил, чтобы претворить в жизнь то, что мы называем «демократическим социализмом».

В 1990-х Бразилия была потрясена кризисом, который особенно сильно ударил по системе занятости: 60 млн рабочих мест в этот кризис просто исчезло. Я глубоко это переживал, потому что до этого в Бразилии никогда не было такого уровня безработицы. В то время миллионы промышленных рабочих лишались работы, жилья, дохода. Это была настоящая социальная трагедия, и поэтому Католическая церковь пригласила меня посетить несколько кооперативов, которые в то время создавались в Бразилии. Благотворительная организация «Каритас», которую можно считать социальным ответвлением Церкви, организовала более 1000 рабочих кооперативов. В основном в них состояли безработные люди. Во время посещения этих кооперативов я нашёл ответ на непростой вопрос о том, что означает социальная демократия. Так как кооперативы были основаны безработными, там не было начальников, не было иерархии. Все дела делались коллективно, все участвовали на равных. Я написал несколько статей в газету «Фолья де Сан-Паулу» *(Folha de S.Paulo)*, и одна из них называлась «Экономика солидарности: оружие против безработицы». Я не создавал нового движения. На самом деле я его только открыл.

ГТ&РО: И всё же, в этом контексте, какова была ваша теоретическая ориентация в дискуссии об экономике солидарности?

ПЗ: Можно сказать, что моим основным ориентиром была история социализма, начиная с утопистов. Это любопытно, потому что я много читал Маркса, Розу Люксембург и других марксистов, но совсем не читал социалистов-утопистов. Когда мои студенты на одном из курсов здесь, в Университете Сан-Паулу, попросили рассказать подробнее об этих авторах, я начал читать Роберта Оуэна. Я пришёл в восторг от его работ, и они стали моим ориентиром.

ГТ&РО: Вы заняли пост Секретаря по планированию Сан-Паулу во время правления мэра Луизы Эрундины (1989-1993). Была ли политика города по борьбе с бедностью в то время связана с экономикой солидарности? Если да, то, каким образом?

ПЗ: Изначально не была, однако позже стала. Сан-Паулу – самый большой город в Латинской Америке, огромный раскинувшийся во все стороны мегаполис, где прогрессирует неравенство. Тогда к власти пришло первое левое городское правительство во главе с первой женщиной-мэром. Более того, Луиза Эрундина выросла в бедной семье в Параибе, одном из северо-восточных штатов Бразилии. Она вступила в Партию трудящихся и быстро стала лидером. Конечно, для её правительства основной задачей была борьба с бедностью, потому что нам нужно было преодолеть кризис 1980-х. Я помню, как я обсуждал с мэром и рабочими профсоюзами вопрос о том, как снизить уровень безработицы. Позже президент Лула сказал мне, что профсоюзы не смогут оказывать поддержку безработным, потому что не знают, как это сделать. По его мнению, профсоюзы могут оказывать поддержку только активным членам кооперативов. Это был объективный взгляд на вещи. В свою очередь, работодатели предлагали помощь в обмен на снижение налоговой ставки, что было невозможно – это повлияло бы на бюджет основных услуг, таких как образование и здравоохранение.

Так что мы находились в очень сложных обстоятельствах. Сначала мы организовали специальную комиссию, которая провела перепись всех бездомных, чтобы просто спасти их от голодной смерти! Позже мы учредили кооперативы сборщиков перерабатываемых отходов. Так начиналась экономика солидарности. В частности, при помощи «Каритас» мы выяснили, что представляет собой экономика солидарности. Мы решили принять на вооружение принципы кооперативного движения на все 100 процентов. К 1996 году я убедился, что это и было проявлением демократического социализма.

ГТ&РО: В 2000-х были созданы два важных пространства для дебатов и планирования экономики солидарности – Бразильский форум экономики солидарности (Fórum Brasileiro de Economia Solidária) и Национальный секретариат экономики солидарности (Secretaria Nacional de Economia Solidária), орган Министерства труда и занятости. Не могли бы вы рассказать нам о политическом контексте, в котором они создавались? Как они содействуют экономике солидарности на национальном уровне, на уровне штата, на муниципальном уровне?

ПЗ: Политическим контекстом был высокий уровень безработицы, хотя и не такой высокий, как в 80-х. Правительство Кардозо во многом придерживалось жёстко неолиберальных взглядов. Самым важным для него была борьба с инфляцией, и он боролся с ней, повышая процентные ставки, что и привело к безработице – а в результате неё у работников остаётся мало переговорной силы.

Когда в 2002 году Лула занял пост президента, он уже был уверен в том, что экономика солидарности станет частью государственной программы. Партия трудящихся приняла принципы экономики солидарности, и она до сих пор включена в ее программу. В начале президентского срока Лулы движения за экономику солидарности стали проводить собрания на национальном уровне, добиваясь создания секретариата в Министерстве труда и занятости. Это случилось скоро, в 2003-м, как только Лула вступил в должность. Несколько месяцев мы ждали

>>

одобрения от парламента, и вот в июне 2003 года был наконец создан Национальный секретариат по экономике солидарности. Бразильский форум по экономике солидарности связан с Секретариатом, потому что, с точки зрения логики, мы не можем вводить новую политику без участия общественных движений. В этом нет смысла. Если есть Форум, то все политические решения вытекают из взаимодействия с общественными движениями, которые в прямом эфире предоставляют отчёты о проблемах, претензиях и требованиях экономики солидарности.

Сейчас экономика солидарности пронизывает всю страну от Амазонки до Юга. Она не так сильна, как бы нам хотелось, но уже и не маленькое движение. По тому же закону, кроме Секретариата, был учреждён Национальный совет, большинство членов были участниками Форума.

Бюджет Секретариата расходуется на продвижение и поддержку кооперативов экономики солидарности. Мы особенно активно поддерживали их во время первого срока президентства Русефа, участвуя в программе «Бразилия без бедности» (Brasil sem Miséria). В этой программе принимали участие пять или шесть министерств. Секретариат отвечал за подключение к программе городских территорий, создавая возможности организации кооперативов для всех, кого это интересовало. По нашей оценке, эта политика помогла избавить от бедности примерно полмиллиона семей. Однако мы не первая страна, в которой официально институционально поддерживается экономика солидарности. Первой была Франция. В 2001 г. на Первом социальном форуме, мы познакомились с французским министром, ответственным за политику в отнолшении экономики солидарности.

ГТ&РО: Вы можете объяснить, как начинали работу научные инкубаторы на базе университетов?

ПЗ: Инкубаторы ведут свое происхождение из США. Они важны, потому что стимулируют студентов и преподавателей к созданию предприятий в университетской среде. И они очень хорошо работают. Первый инкубатор экономики солидарности появился в Федеральном университете Рио-де-Жанейро в 1994 году. Наши инкубаторы отличаются тем, что не имеют отношения к естественным наукам, но в основном заинтересованы в решении социальных проблем. Через несколько лет после открытия первого инкубатора мы увидели, как в трущобах Рио появились народные кооперативы, а теперь во многих государственных университетах Бразилии есть свои инкубаторы, получающие поддержку Секретариата. В настоящее время у нас 110 инкубаторов в бразильских университетах. Общественные инкубаторы оказывают большое влияние на университетскую атмосферу, потому что в них работают студенты из разных сфер: экономики, географии, социальных наук, машиностроения. Но все эти ребята в основном относятся к среднему классу и впервые в жизни сталкиваются с беднейшими сообществами или впервые ищут способы им помочь. Это благоприятно сказывается на жизни кампуса..

ГТ&РО: По вашему мнению, каковы достоинства экономического предприятия, управляемого товариществом рабочих? И какие трудности стоят сегодня перед экономикой солидарности в Бразилии?

ПЗ: Я бы сказал, что самое большое достоинство – это демократия. Люди вместе работают, уважая друг друга, без конкуренции. Наша карта экономики солидарности показывает, что в Бразилии существует около 30 тысяч активных кооперативов, в которых состоят около трёх миллионов людей. И мы получаем поддержку от важных общественных организаций – например, Католической церкви, Национального центра профсоюзов (Central Única dos Trabalhadores, CUT) и университетов. Это совсем новый и вдохновляющий социальный опыт.

Самая главная проблема экономики солидарности в Бразилии – то, что предприятия, основанные на этих принципах, недолговечны. Многие не проживают и пяти лет. Маленькие предприятия в принципе живут недолго. Однако, разумеется, не все наши проекты являются мелкомасштабными. Так, например, у нас есть проект «Восстановленные фабрики» (Fábricas Recuperadas). В рамках этого проекта обанкротившиеся фабрики восстанавливают и организуют в них кооперативные хозяйства. В Бразилии 67 Fábricas Recuperadas, в Аргентине их гораздо больше.

ГТ&РО: Какое место занимает бразильская экономика солидарности в сравнении с подобными практикам в других странах Латинской Америки и мира?

ПЗ: Я почти каждый день узнаю что-то новое об экономике солидарности. На локальном уровне короткий срок жизни предприятий – это большой вызов для нас. Также важен культурный аспект. Внутренние конфликты и разногласия между группами могут быть решающими в судьбе предприятия и определять его успех или провал. Мы должны знать, как избегать конфликтов и – более того - как их разрешать. Я не могу сказать, насколько значим культурный фактор в развитии экономики солидарности на глобальном уровне. Однако если мы хотим построить демократическую рабочую среду, важно сравнивать наш опыт с опытом других стран – ЮАР, Филиппин, Южной Кореи и многих других европейских и латиноамериканских государств. Мы должны учиться друг у друга. ■

Корреспонденцию отправляйте Густаво Танигути
на адрес<gustavotaniguti@gmail.com>

> «Уралунгал» – старейший рабочий кооператив Индии

Мишель Уильямс, Университет Витватерсранда, ЮАР, член ИК МСА по рабочему движению (RC44)

Бережное строительство в Уралунгале, старейшем рабочем кооперативе Индии.

В индийском штате Керала есть замечательный рабочий кооператив, который уже более 90 лет опровергает прогнозы экономистов мэйнстрима. В Трудовом кооперативе на договорной основе «Уралунгал» состоит 2000 человек. Это строительный кооператив, работающий над крупными инфраструктурными проектами – дорогами, мостами, комплексами зданий. Названный в честь селения в Малабаре, северном регионе штата Керала, «Уралунгал» на локальном уровне является первопроходцем альтернативного производства и воплощением таких качеств экономики солидарности, как демократия, равенство, солидарность, взаимное сотрудничество и интегративность. На этих принципах построен дух кооператива и каждого из его членов, им подчинены все уставные нормы. Согласно уставу, главная задача кооператива – обеспечение своих участников, то есть рабочих, надёжной, полезной и хорошо оплачиваемой работой. Для достижения этой цели «Уралунгал» стал пионером демократической организации рабочих мест и эгалитарного распределения ресурсов, несмотря на то, что принадлежит к сектору высокой конкуренции, где доминируют крупные подрядчики, ориентированные на прибыль (и часто коррумпированные).

Традиция приверженности демократическим и эгалитарным принципам восходит к годам основания кооператива «Уралунгал» в начале XX века. В 1930–1940-х гг. «Уралунгал» находился в эпицентре политических пертурбаций. В Малабаре появлялись мощные крестьянские и рабочие движения, индийское националистское движение радикализировалось, а Коммунистическая партия Индии стала доминирующей силой в регионе. Радикализация, происходившая в годы формирования кооператива, помогла сформировать дух альтернативной экономики, основанный на принятии демократических решений, экологической устойчивости и коллективном производстве. Кооператив тратит прибыль на социальные цели. Уже много лет «Уралунгал» ставит демократическую организацию, коллективные решения и альтернативные моральные цели своих членов превыше прибыли и успешно справляется с каждым новым испытанием.

Экономисты мэйнстрима часто дают неблагоприятные прогнозы в отношении кооперативов: даже если кооперативу удастся появиться, выжить и достичь процветания, со временем он неизбежно выродится в типичную капиталистическую фирму, лишится всех высокодуховных принципов самоуправления и коллективной собственности. Вразрез с этими прогнозами идут реальные достижения таких рабочих кооперативов, как «Уралунгал». Они служат позитивным примером для других и несут в себе опыт, полный ценных уроков на будущее.

В основе успеха «Уралунгала» лежит

>>

убеждённость в том, что кооператив должен управляться методом партиципаторной и прямой демократии. Далее в этой статье я подробнее расскажу о роли партиципаторной демократии в успешной работе «Уралунгала».

> Принятие решений и рабочая демократия

Каким образом в кооперативе достигается жёсткая координация и эффективность производства без применения типичных капиталистических техник дисциплины и поощрения? Почему факт коллективной собственности не подрывает авторитета контролёров, а работники не отлынивают от своих обязанностей? Если конкретнее, то каким образом в «Уралунгале» достигается здравое сочетание иерархии и участия? Чтобы ответить на эти вопросы, посмотрим, как в «Уралунгале» создавалась модель эффективного рабочего процесса, вовлекающего всех участников.

На ежегодном общем собрании работники «Уралунгала» выбирают Совет директоров и обсуждают подробный отчёт о работе кооператива за прошедший год. Это общее собрание – не просто формальность, и результаты переизбрания совета директоров никогда не являются предрешённым исходом. Однако сразу после избрания Совету предоставляется свобода заключать контракты, отдавать предпочтение тем или иным технологиям, отправлять работников на разные стройки и принимать другие рутинные решения. Таким образом, директора являются менеджерами кооператива, а это значит, что менеджеров себе выбирают сами работники. Такая практика ортогональна принципам капиталистических корпораций, где менеджмент назначается невыборным лидером.

Во главе каждой стройки стоит руководитель, которого выбирают из рабочих. На этих выборах побеждают только те рабочие, которые имеют управленческие способности и широко пользуются уважением и доверием товарищей. Рабочие постоянно обсуждают с руководителями стройки разделение труда и строительные процедуры – например, за обедом (тоже приготовленном работниками кооператива). Несмотря на большое количество дискуссий, в которые вовлечены все без какой-либо дискриминации, как только принимается решение, все должны повиноваться ему. Игнорирование требований руководителей стройки, пренебрежение обязанностями, незаконные финансовые операции или умышленное снижение производительности труда могут привести к дисциплинарному взысканию – однако оно требуется редко.

Демократические процессы поддерживаются через регулярное общение между всеми членами кооператива. Руководители стройки ежедневно встречаются с Советом директоров на собрании. Все руководители стройки, члены Совета и технический персонал встречаются на еженедельных собраниях. Все рабочие кооператива участвуют в ежемесячных собраниях, где обсуждаются результаты работы и где любой член кооператива может высказать критическое мнение. Полные финансовые отчёты обсуждаются на ежегодных общих собраниях. Такое количество собраний, конечно, поглощает много времени и сил, однако они порождают чувство коллективной собственности, солидарности и общей миссии, что повышает продуктивность.

> Участие и конкурентоспособность

Главный вызов для «Уралунгала» в вопросах конкуренции с частными подрядчиками – это то, что кооператив не может снизить стоимость работ за счет урезания выплат или «распилить» бюджет на стройматериалы или обеспечение безопасности. Для кооператива следование контрактной спецификации – это всегда святая святых, и это способствует его блестящей репутации. Так как инфраструктурные проекты Индии печально известны коррупцией и махинациями, эти моральные ограничения оказываются очень серьёзной помехой.

Конкурентоспособность кооператива определяется высоким уровнем производительностью труда. В основе её, в свою очередь, лежит не только эффективное применение технологий, но и дисциплина и профессионализм работников – необходимые качества для трудозатратного процесса стройки. К примеру, на качество и стоимость обычной щебёночной дороги влияет толщина каждого из слоёв, эффективность связующего агента из краснозёма, равномерность размешивания дёгтя и выбор правильного момента нанесения дёгтя на металлический слой. Каждый шаг требует от работников профессионализма, усердия и ответственности. В строительном деле бетонирование требует тесного сотрудничества между множеством работников. Кроме того, для успешного и своевременного выполнения проектов необходимо мотивировать работников к тому, чтобы они следовали графику и не создавали лишних отходов. Таким образом, профессионализм и ответственность всех работников, а не только контролёров и менеджеров, являются главными достоинствами кооператива. «Уралунгал» акцентирует важность активного участия каждого члена кооператива в принятии решений, при этом выплачивает щедрые пособия и обеспечивает благоприятные условия труда.

Механизация преобразует рабочие места, и многие работы, связанные со строительством, стали ненужными или деквалифицированными. Более того, ускорение темпа работ, связанное с механизацией, может лишить работников чувства вовлечённости в общее дело и разрушить связи, поддерживающие их солидарность. Будучи осведомлённым об этих потенциальных угрозах, кооператив укрепляет демократию тремя способами. Во-первых, «Уралунгал» искренне заинтересован в прозрачности и открытости обсуждения. Во-вторых, кооператив уделяет первостепенное внимание обратной связи от работников. И в-третьих, в нём разрабатываются собственные программы повышения квалификации.

Другой подводный камень – потеря ответственности среди молодых рабочих. До недавнего времени «Уралунгал» по большей части состоял из потомков тех, кто стоял у истоков кооператива. Однако сегодня многие новые работники не состоят ни в родстве, ни в давнем знакомстве со старожилами «Уралунгала». Многие члены кооператива беспокоятся о качестве обсуждений на ежегодном отчетном собрании. Кроме того, теперь работники меньше стремятся работать сверхурочно. Простого способа справиться с этой тенденцией нет. Однако решить проблему поможет постоянное изучение истории кооператива, традиций ответственности и самоотверженного труда, постижение принципов, сделавших «Уралунгал» тем, что он представляет собой сегодня. Таким образом, выживание «Уралунгала» как истинного кооператива является политическим вопросом. «Уралунгалу» необходимо создавать кооперативные ценности в обществе, где господствуют ценности рыночные. ■

Корреспонденцию отправляйте Мишель Уильямс на адрес <michelle.williams@wits.ac.za>

> Кооперативы корпорации «Мондрагон»: успехи и вызовы

Шаррин Касмир, Университет Хофстра, США

Банкротство флагманского предприятия корпорации «Мондрагон» – крупного производителя бытовой техники Fagor.

На волне финансового кризиса и выступлений против мер жесткой экономии в США и Европе растет интерес к развитию некапиталистических общественных отношений и экономики солидарности. Ученые и активисты утверждают, что кооперативы, принадлежащие работникам, обеспечивают гарантии занятости, наделяют работников властью и контролем, способствуют солидарности. Подобные трансформации, утверждают они, сеют зерна социализма, или, во всяком случае, более демократического и справедливого капитализма – что можно лишь поприветствовать после десятилетий хищнического капитализма.

Корпорация «Мондрагон» в испанской Стране Басков считается одним из наиболее успешных кооперативных предприятий в мире. Эта группа предприятий, основанная в 1950х гг. как проект Католического действия, на сегодняшний день включает в себя 257 финансовых, промышленных, торговых, а также исследовательских подразделений, на которых трудятся около 74 000 человек. Кооперативы выпускают разнообразную продукцию от современного кухонного оборудования (под флагманским брендом Fagor) до промышленных роботов. Гигант ритейла Eroski имеет 2 000 филиалов по всей Европе. Банк Caja Laboral и кооператив социального страхования предоставляют финансовые услуги своим членам и аффилированному бизнесу. У кооператива нет профсоюзов или внешних акционеров. Вместо этого каждый работник или менеджер инвестируют в фирму как ее член и обладает одним голосом на общем собрании. Каждый кооператив представлен на Конгрессе кооператива, где принимаются общие системные и бизнес решения.

Масштаб деятельности и успешность делают «Монлрагон» уникальным среди кооперативных экспериментов. Действительно, здесь мы видим множество поводов для восхищения. Кооперативы сохранили рабочие места в испанской Стране Басков даже во время периодов экономического кризиса. Демонстрируя этос солидарности, члены кооператива спокойно воспринимают снижение зарплат, инвестируют дополнительные средства, совершают межкооперативные трансферы, если это необходимо. Самая высокая

>>

менеджерская зарплата лишь в 9 раз превышает зарплату самого низкоквалифицированного работника. Это на редкость маленькая разница, учитывая, что в целом по стране такое соотношение составляет 127:1. Ключевой принцип – верховенство труда над капиталом – очевиден в распределении профицита между личными счетами членов кооператива в банке Caja Laboral, где они хранятся в виде частных сбережений, оставаясь доступными для инвестирования в деятельность кооператива.

Несмотря на то, что «Мондрагон» рассматривается как пример реалистичной альтернативы капитализму, вопросы о положении рядовых работников, условиях труда, а также классовые вопросы, при этом часто оказываются за пределами внимания.

Основные структуры кооператива находятся в Стране Басков, однако, в 1990 году он вышел на мировую арену, и в настоящий момент контролирует около ста заграничных дочерних кооперативов и совместных предприятий, расположенных, в основном в развивающихся и постсоциалистических странах, с низкими зарплатами или растущими рынками. Эти фирмы уже не являются собственностью работников, а те, кто на них занят, не имеют доступа к правам и привилегиям, доступны членам кооператива. Они являются обычными наемными рабочими. Даже в Стране Басков и Испании промышленные и ритейл кооперативы принимают на работу большое количество временных работников по кратковременным контрактам. Сегодня лишь половину бизнеса «Мондрагона» составляют кооперативы, и лишь одна треть наемных работников является членами этих кооперативов.

В 2013 году Fagor Electrodomésticos (производитель бытовой техники) объявил о своем банкротстве, пав жертвой финансового кризиса 2008 года, поразившего испанский рынок жилья и домашних приборов. Группа «Мондрагон» годами субсидировала Fagor, но инвестиции в 18 фабрик, расположенных в шести странах, становились все большей обузой, и, в конце концов, дочерние кооперативы потеряли терпение и решили прекратить поддержку. Банкротство угрожало потерей 5 600 рабочих мест.

Город с населением 25 000 человек, столкнулся с серьезной проблемой. Члены кооператива Fagor преждевременно вышли на пенсию или перевелись на работу в другие кооперативы, но местные работники-контрактники и 3500 работников филиалов оказались более уязвимыми. Их судьба так же, как условия труда в дочерних предприятиях, столь же значимы для истории «Мондрагона», как и его знаменитые принципы, демократические структуры и распределение прибыли между членами.

В польском Вроцлаве забастовка 2008 года против низких зарплат и антипрофсоюзной деятельности руководства привлекла внимание к трем сегментам рабочей силы, занятой в компании Fagor. Первый сегмент составляют члены кооператива, работающие на предприятиях в Стране Басков; второй сегмент составляют временные работники, занятые на предприятиях в других регионах Испании; третий, наименее привилегированный сегмент составляют наемные работники дочерних предприятий за рубежом. Возникает вопрос: насколько гарантии занятости, приличная заработная плата и участие в управлении для членов кооператива, работающих в стране Басков, обеспечиваются эксплуатацией наемных работников в иных географических точках?

Сравнение дочерних компаний «Мондрагона» в Китае с другими иностранными капиталистическими, работающими в этой стране показало, что в их политике не различий. В обоих случаях сохраняется низкая оплата труда наемных работников, продолжительный рабочий день, тяжелые условия труда. «Мондрагон» инвестировал в Китайскую экономику из-за дешевизны рабочей силы и близости развивающихся рынков. За выбор такой международной стратегии проголосовали все члены кооператива на общем собрании.

Могут ли дочерние компании превратиться в кооперативы? Различия между юридическими рамками разных стран затрудняют эту задачу, хотя Конгресс кооператива 2003 года призвал к «социальной экспансии», к расширению участия и демократии. «Мандрагор» стремится усилить глобальную сеть социально ориентированной экономики, помогая компании United Steel Workers открыть юнионизированные кооперативы в США, а также работая с недавно запущенной коммерческой прачечной в Питтсбурге. И все же дочерние предприятия функционируют как обычные фирмы, хотя их цель заключается не в максимизации прибыли в пользу акционеров, а в сохранении кооперативов и рабочих мест в Стране Басков.

Многие аналитики считают, что группа «Мондрагон» демонстрирует хорошее отношение даже к тем работникам, которые не являются членами кооператива. В подтверждение своего тезиса они указывают на усилия, прикладываемые компанией для обучения работников в Мексике и превращение в кооператив частного предприятия в Галиции (Испания). Другие же, напротив, утверждают. Что глобальная стратегия группы «Мондрагон» доказывает, что кооперативы не могут остаться на плаву в капиталистическом море: проигрывая в конкуренции, они либо дегенерируют до состояния обычных капиталистических фирм, либо разваливаются.

Эти проблемы, однако, имеют более долгую историю. В конце 80х гг. я обнаружила, что ни условия труда на предприятиях, ни степень участия рядовых работников в принятии важных решений, ни идентификация работников в кооперативе Fagor не отличались от соседнего капиталистического завода, рабочие которого были объединены в профсоюзы. Более того, члены кооператива демонстрировали низкую солидарность с баскским рабочим движением – на тот момент являвшегося частью левой активистской коалиции. «Мондрагон» старался избежать участия в политике, и пока рабочие металлообрабатывающей промышленности бастовали, члены кооператива выходили на работу.

«Мондрагон» может показаться антикапиталистическим оазисом, но реалии его существования могут преподать нам отличный урок, особенно если в центр картины мы поставим работников – членов кооператива, контрактников, почасовиков – и рабочее движение. Какова роль кооперативов в развитии широкого рабочего движения и как эгалитарные импульсы «Мондрагона» могут повлиять на общий политический контекст? «Мондрагон» предоставляет отправную точку для размышлений об альтернативе капитализму, а пример этой организации как воплощения неконвенциональной бизнес - модели может быть особенно ценен для поисков ответов на непростые вопросы о классе и власти в сфере бизнеса. ■

Корреспонденцию отправляйте Шаррин Касмир на адрес
<sharryn.m.kasmir@hofstra.edu>

> Движение против рыночных посредников в Греции

Теодорос Ракопулос, Университет Бергена, Норвегия[1]

Продажа картофеля на рынке в Салониках.

Кооперативы часто возникали как реакция на экономический кризис – а в Греции кризис свирепствует уже шесть лет. Кооперативы обеспечивают работникам социальные гарантии, спасают рабочие места во времена перемен или рецессии. Это происходило во время Великой депрессии в 1930-х в Америке, в трудные пост-социалистические 90-е в Восточной Европе, в Аргентине во время кризиса 2001 года. Греция продолжает переживать рецессию: в 2015 году уровень безработицы поднялся до 27 %. В результате волн протеста появилась сеть неформальных кооперативов выраженной политической направленности, которые сосредоточили внимание на организации повседневной жизни в ситуации кризиса и публичных политических дебатов. Общественные группы, разбросанные по всей Греции, являются признаком новой волны радикализации. Они конструируют социальную экономику, основанную на взаимном сотрудничестве, которую иногда называют «альтернативной экономикой» или «экономикой солидарности».

Эта неформальная сеть общественных групп активно развивалась в течение последних пяти лет, что тесно связано с возрастающей популярностью левых партий в Греции и с постепенным восхождением к власти Коалиции радикальных левых (СИРИЗА). Однако теперь пересечение интересов СИРИЗА и других левых партий ставят активистов перед дилеммой. Как только СИРИЗА выиграла выборы и решила принять новые меры строгой экономии, активисты экономики солидарности стали перед новыми вызовами.

> Движение в действии

Альтернативой режиму строгой экономии являются такие эксперименты в области экономики солидарности, как бартерные рынки и банки времени, а также кооперативное социальное обеспечение – социальные клиники и аптеки. Все они в основном создаются вокруг неформальных кооперативных групп. В рабочих кварталах и районах низшего среднего класса возникают яркие примеры неформального кооперативного движения. Особенно много их появилось в период между 2011 и 2014 гг.

«Анти-посредническое» движение принесло пользу многим жителям центра Салоник (второго по величине городе Греции) и некоторых его пригородов. Участники-волонтёры координировали процесс распределения продуктов в народных кооперативах, помогая сельскохозяйственным производителям продавать еду потребителям напрямую, без посредников, на открытых импровизированных рынках. В 2012-13 гг. в Греции действовало уже 80 подобных групп. Расцвет движения пришелся на вторую половину 2013 г., как раз тогда мы начали проводить полевые исследования. Только в Салониках в то время функционировало десять подобных рынков, которые открывались по воскресеньям. На них приходили тысячи людей.

Движение против посредников было неформальными кооперативами, управляющими распределением продуктовых товаров. Городские активисты устраивали рынки в районах, где живут бедняки и средний класс, прямо на площадях, на парковках или в парках. Эти импровизированные рынки были созданы с целью избежать участия посредников в торговле. Устранение агентских надбавок сделало цену на свежие продукты приемлемой. Активисты устанавливали контакты с фермерами в близлежащих деревнях, приглашали их на обустроенные ими рынки и договаривались о долговременном сотрудничестве. Рынки, которые открывали активисты, были организованы в непритязательной и неформальной манере. Фермеры продавали свежие продукты всего лишь за половину рыночной цены. Отношения между фермерами и активистами были формализованы с помощью контрактов, условием которых было обещание фермеров не голосовать за партию «Золотая заря» (неонацисты, в данный момент занимающие третье место в парламенте по количеству членов) и не поддерживать расистскую политику.

>>

> Движение в (относительном) бездействии

Сегодня неформальное распределение сельскохозяйственной продукции удовлетворяет базовые нужды многих домохозяйств. Однако после пика, пришедшегося на конец 2013 года, размах движения стал меньше, практики проводятся реже, и даже само существование движения находится под вопросом. Несколько анти-посреднических групп в данный момент пребывают в дремлющем состоянии, встречаются менее часто или же совсем перестали организовывать однодневные рынками.

Главная проблема движения проистекает из недружелюбного контекста. Кооперативщики сталкивались с полицейским преследованием, если им не удавалось получить лицензию на организацию своих рынков. Некоторые фермеры получали штраф за «незаконный сквоттинг в публичном месте» – обычно это обвинение выдвигала «Ассоциация открытых рынков города Салоники», лоббистская организация торговых посредников. Также сыграло роль эмоциональное выгорание: множество активистов было разочаровано нежеланием фермеров занять ведущую роль при организации рынков.

Есть и другая, более сложная проблема. Активисты беспокоятся о том, могут ли «прямые» торговые операции гарантировать достаточную выживаемость всему проекту. Многие активисты обсуждали вопрос о создании формального кооператива, однако это решение требует изменения политического и правового регулирования.

Разумеется, этим начинаниям могло бы посодействовать прогрессивное правительство. В начале января 2015 года, когда СИРИЗА ещё не вступила в правление, движение стало переходить к фазе бездействия. Столкнувшись с государственными силовыми структурами и не имея возможности убедить фермеров принимать прямое участие в движении, активисты стали надеяться на благоприятные условия для своей «экономики солидарности». Ожидая смены правительства, активисты прекратили работу по усилению неформальных кооперативов. Некоторые участники общих собраний высказывали свою озабоченность по поводу «кооптации» – поглощения доминантными (государственными) структурами. Однако большинство активистов экономики солидарности ожидали, что политический климат сменится «в тот момент, когда левые возглавят государство», как выразилсяодин из активистов. Действительно, множество обсуждений возвращалось к одной и той же теме: «мы делаем то, что должно делать государство». Ведущий активист на собрании ассамблеи кооперативов высказал предположение, что «при поддержке социального государства наше движение можно легко превратить в мобилизацию фермеров». И особенно когда члены СИРИЗА стали принимать активное участие в деятельности кооперативов (или «шпионить», как полушутя сказал один из активистов), было явное ощущение, что участие партии поможет сплотиться и начать «новую эру в социальной экономике».

> СИРИЗА у власти

Предвидя победу на выборах, партия СИРИЗА учредила зонтичную организацию, целью которой было укрепление коммуникации между группами, а также связей между неформальными группами и государством. Благодаря этому экономика солидарности получила некоторую международную огласку и принесла известность самой СИРИЗА. Однако программа партии не была нацелена на развитие общественных движений как таковых. Напротив, мы стали свидетелями запутанной ситуации, когда некоторые активисты стали принимать больше участия в деятельности СИРИЗА, а другие навсегда ушли из движения.

Тем временем, некоторые прогрессивные округа начали организовывать собственные рынки без посредников. Однако продуктовая экономика солидарности начала постепенно терять привлекательность и сторонников. Многие группы, стоявшие у истоков движения, сейчас находятся в состоянии неопределённости и колеблются, по словам некоторых активистов, между «кооптацией», то есть поглощением, и «кристаллизацией», то есть, напротив, обособлением. Для описания частичной трансформации движения в объятиях государства некоторые активисты используют популярное понятие «анатеси», что примерно переводится как «перепоручение», а практику называют «политикой перепоручения» (conferral politics). Эти термины отражают идею о том, что общественные движения передают свою энергию и потенциал существующей политике и таким образом подавляют собственную деятельность.

Несмотря на то, что кооперативная социальная экономика на местах согласуется с прогрессивной политикой радикального левого правительства, СИРИЗА, придя к власти, парадоксальным образом стала неожиданным препятствием для развития экономики солидарности. Причина этому – связи между партией и неформальными группами, а также, что важнее, ожидание, что левые поддержат экономику солидарности. (Показателен главный девиз январских выборов: «Нас ждет Надежда!»)

Политическая мобилизация – плоть и кровь движения солидарности – сдала позиции. Однако движение против торговых посредников оставило важный след на гражданском и политическом ландшафте Салоник. Всё ещё работают социальные клиники и аптеки, и они приобрели некоторый официальный статус. Кооперативный продуктовый магазин, организованный анти-посредническим движением, имеет большой успех. Тем временем СИРИЗА потерпела катастрофическую неудачу, пытаясь положить конец режиму строгой экономии: новые пакеты экстренной финансовой помощи не принесли пользы. Это лишило левую власть легитимности в глазах многих участников экономики солидарности и, возможно, увеличило пропасть между обществом и государством. В преддверии нового режима жёсткой экономии у государства не будет возможности создать легальные основания, одобряющие и продвигающие деятельность кооперативов и экономику солидарности. Может ли политический сдвиг влить новую энергию в движение, которое, по словам одного из активистов, «родилось из материальной нужды и гнева»? Нам предстоит увидеть, насколько новая динамика сможет оживить движение солидарности или же разрядить натянутые отношения между участниками движений и институциональной политикой левых. ■

Корреспонденцию направлять Теодоросу Ракопулосу на адрес <trakopoulos@gmail.com>

[1] Статья основана на данных полевого исследования, финансированного Фондом антропологических исследований Веннер-Грена, грант номер 8856.

> «Оздоровление» предприятий в Аргентине

Хулиан Ребон, Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

Завод по производству керамики «Zanon», захваченный рабочими в 2001 г. – одно из самых известных рекуперированных предприятий в Аргентине.

Утро 11 августа 2014 года, Буэнос-Айрес, район Гарин. 400 рабочих завода Donnelley Graphic читают уведомление администрации о том, что мультинациональная компания выводит бизнес из Аргентины. Рабочие собирают ассамблею и захватывают завод. Организовав кооператив, вскоре они возобновляют производство.

Рабочие завода Donnelley применили стратегию, которую с начала 2000х использовали более трехсот компаний в Аргентине: стратегию оздоровления (рекуперирования) предприятий. Работники компаний в период экономического кризиса нередко организовывают кооперативы, чтобы защитить свои права и свою работу. Эти стратегии защиты воплощают в себе основные атрибуты кооперативизма – демократию, добровольное объединение, коллективное имущество, - помогая компаниям стать более демократичными и справедливыми, чем они были до захвата.

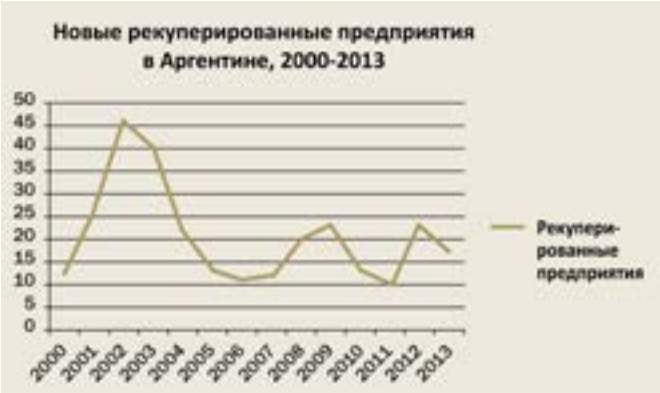
Рабочие начали «рекуперировать» предприятия в Аргентине в конце 1990х, особенно после всеобщего кризиса 2001 года. Неолиберальные реформы 90х завели экономику в тупик, но всеобщий кризис в Аргентине способствовал волне оздоровления предприятий по двум причинам. Во-первых, многие заводы в этот период закрылись или обанкротились, что привело к беспрецедентному росту безработицы и нестабильности на рынке труда. Во-вторых, острый политический кризис запустил беспрецедентные процессы общественного недовольства и борьбы. В этом контексте рекуперирование предприятий превратилось в общественное движение. В обществе, интегральной частью которого является культура труда, протест против безработицы стал широкомасштабным и легитимным проектом.[1]

По мере угасания социально-экономического и политического кризисов, некоторые ученые начали высказывать предположение о том, что рекуперированные предприятия сойдут на нет, однако этого не произошло. В таблице ниже видно, что хотя число таких предприятий достигло максимума в 2002 году, захваты продолжились даже когда экономика пошла на поправку, а уровень безработицы стал падать. Теперь в распоряжении рабочих находился новый общественно признанный инструмент защиты своих прав, который они продолжили применять в новых контекстах. Расширению также способствовал уровень безработицы, который, несмотря на относительное снижение, оставался высоким (достигая 7% на протяжении последних

>>

нескольких лет) и политические условия (как минимум на федеральном уровне), которые не препятствовали этим процессам.

Отвоеванные рабочими предприятия, кажется, навсегда останутся с нами. По информации Открытого факультета Университета Буэнос-Айреса, на 311 возвращенных предприятиях в Аргентине в 2013 году работали 13 642 человека. Хотя половина из них расположена в городской агломерации Буэнос-Айреса, такие предприятия существуют в двадцать одном из двадцати четырех регионов страны. В основном это малые и средние компании в металлообрабатывающем, графическом, текстильном и продовольственном секторах экономики.



Источник: график рассчитан автором на основании данных программы Открытого факультета Университета Буэнос-Айреса.

Рекуперированные предприятия сохраняют и приумножают рабочие места, и лишь нескольким все же пришлось закрыться. Несмотря на это, они все же сталкиваются со значительными трудностями и вызовами на своем пути. Например, в соответствии с ныне действующим законодательством, рабочие, захватившие завод и восстановившие на нем производство, считаются самозанятыми работниками – с более низкими пенсиями, худшими страховками и семейными пособиями. Рабочие кооперативы в настоящее время требуют у государства признания рабочего менеджмента и наделения его теми же правами, что и у других работников. Предприятия, управляемые рабочими, также столкнулись с непростой задачей получения признания законности владения заводами. Рабочие полагаются на местные законы общественного пользования для признания законности собственности, однако в некоторых случаях они оказываются недостаточными для решения релевантных вопросов, поэтому исход зачастую зависит от поддержки местной власти и судей.

В 2011 году в закон о банкротстве предприятий *(Ley de Concursos y Quiebras)* была внесена поправка, в соответствии с которой в случае банкротства рабочие, состоящие в кооперативе, могут брать трудовые кредиты *(acreencias laborales)* с целью выкупа обанкротившейся компании. Несмотря на это, закон применим далеко не во всех случаях и лишь начинает использоваться. В контексте неопределенности в отношении прав собственности, рабочие часто сталкиваются с угрозой выселения. Пока я дописывал эту статью, полиция выселяла работников недавно отвоеванного ресторана *La Robla*, а в возвращенном отеле *Bauen* их коллеги получили ордер на выселение. Хотя рекуперированные предприятия и обладают общественной легитимностью, они не полностью признаны законом. ■

Корреспонденцию отправляйте Хуану Ребону на адрес <julianrebon@gmail.com>

[1] В 2012 году Институт Гино Германи в Университете Буэнос-Айреса провел опрос в городской агломерации Буэнос-Айреса. Результаты показали, что 73% населения знали о существовании рекуперированных предприятий, и 93% положительно относились к этому явлению.

> Конец света
или конец капитализма?

Лесли Склэр, Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания

Иллюстрация Арбу.

Говорят, что тезис *«легче представить себе конец света, чем конец капитализма»* является неоспоримой истиной эпохи капиталистической глобализации. Намного больше было написано о пороках капитализма, чем о том, как мог бы выглядеть некапиталистический мир, особенно в сопоставлении с так называемыми социализмами и коммунизмами недавнего прошлого. Чтобы продвинуться на следующий уровень понимания происходящих процессов, нам необходимо начать все с начала. Я считаю, что перспективу прогресса в современных условиях лучше всего рассматривать как длительный процесс отрицания, избегания, а затем полного отказа от глобального капитализма, социальной демократии и созданных ими форм государственного правления.

Почему капиталистической глобализации не суждено принести процветание, счастье и мир всему человечеству? Два фатальных недостатках капитализма хорошо известны. С одной стороны, это кризисы классовой поляризации, при которых богатые богатеют, самые бедные не улучшают своего положения, а средний класс стабильно теряет уверенность в собственном будущем. Второй ключевой недостаток - экологическая неустойчивость (неизбежное последствие капиталистического и социалистического догматов роста, пропагандируемых культурной идеологией консюмеризма). Эти кризисы можно напрямую связать с транснациональным капиталистическим классом (состоящим из корпоративных, политических, профессиональных и консьюмеристских фракция) и его господствующей системой ценностей, т.е. культурной идеологией консюмеризма. [1]

Здесь мне хотелось бы вкратце указать ключевые элементы прогрессивного некапиталистического транзита. Во-первых, речь идет о размере (организационных структур). Огромные транснациональные корпорации и огромные корпоративные государства, обслуживаемые огромными профессиональными и огромными потребительскими организациями, господствуют в жизни людей по всему миру, и поэтому, возможно, структуры меньшего масштаба могут помочь людям лучше работать и вести более полноценную жизнь. Это не какая-то фантазия клеточного локализма. Мое представление об альтернативной, радикальной, прогрессивной глобализации предполагает создание сетей малых производственно-потребительских кооперативов (ППК), сотрудничающих на разнообразных уровнях и преследующих основную цель: обеспечение достойного стандарта жизни для всех и каждого на планете.

Как следовало бы организовать ПКК для максимизации эмансипаторного потенциала новой формы глобализации в некапиталистическом мире? Простой и вдохновляющий ответ заключается в том, что, по крайней мере, на ранних стадиях трансформации, они могли бы работать во многом так же, как сейчас функционируют малые кооперативные группы в разнообразных анклавах по всему миру. Другие эссе в этом номере ГД описывают успешные случаи прогрессивной общественной мобилизации и роста самосознания, однако, что неудивительно, все эти проекты не лишены проблем. Шаррин Касмир показывает, что Мондрагон – некогда величайшая надежда кооперативного движения – кажется, растворился в глобальной капиталистической системе. Мишель Уильямс, изучавшая кооперативное сообщество «Уралунгал», рассуждает об условиях, необходимых для обеспечения настоящего рабочего контроля. Однако ее выводы показывают, что будущее рабочего самоуправления совсем не безоблачно и весьма неопределенно. Из интервью с Паулем Зингером мы узнаем об обнадеживающих результатах

>>

Экономики солидарности в Бразилии, сумевшей улучшить экономическое положение бедняков, но видим, что предстоит преодолеть еще слишком много препятствий. Даже если это конкретное движение будет успешным, совершенно непонятно, в какой степени сможет измениться общество в целом. Анализ предприятий, управляемых рабочими (статья Хулиана Ребона), ставит перед нами вопрос: зачем капиталистическому государству поддерживать (или хотя бы не задавливать) такие инициативы? То же самое приходит на ум при чтении заметки Теодороса Ракопулоса, посвященной анти-посредническим рынкам Греции, где победа на выборах левой партии СИРИЗА скорее препятствует, чем способствует развитию движения.

Ни одна из вышеупомянутых инициатив не указывает нам путь выхода из системы капиталистической эксплуатации или экологической неустойчивости. Ни один из описанных проектов не проблематизирует роль государства – левого, правого или центристского – и не анализирует взаимодействия государства с потребительским рынком. Я делаю вывод, что, в конце концов, все государства оказываются иерархичными, и лишь в малых сообществах, подобных ПКК, или в тех, которые существуют в локальном или глобальном уровне благодаря Интернет, мы можем избежать проблемы неизбежной иерархизации.

В «Тюремных тетрадях» Грамши писал, что в периоды кризиса старое гибнет, а новое еще не родилось. Грамши подчеркивал пагубные последствия такого положения (1930е гг.), но мне хотелось бы обратить внимание на более обнадеживающие симптомы, связанные с нынешним кризисом капиталистической гегемонии.

Тезис о жизнеспособности инициатив, пытающихся избежать рыночной конкуренции и иерархичности государственных структур, основывается на множестве непроверенных допущений. Первое допущение заключается в том, что люди, которые в настоящее время работают в ПКК, продолжат работать на этих предприятиях, предпочтя их крупным корпорациям и их локальным филиалам. То есть множество работников, которые на данный момент заняты в частной сфере и госсекторе, напрямую или косвенно, создадут ПКК в своих локальных сообществах и начнут производить продовольствие, организовывать транспортную связь, предоставлять медицинскую помощь, открывать образовательные учреждения и т.д. ПКК уже в малых масштабах занимаются подобной деятельностью по всей планете, однако такие инициативы конкурируют в рамках капиталистических рынков. Поддерживаемые местными сообществами сельскохозяйственные кооперативы в разных частях света представляют собой первый шаг на долгом и непростом пути к самодостаточности в этой сфере.

Неолиберальные идеологи утверждают, что капиталистическая глобализация не имеет альтернативы. Если мы откажемся им верить и начнем создавать альтернативы сами, а созданные нами проекты окажутся успешными по каким-то параметрам, тогда мы увидим, что логику рынка все же можно опровергнуть, подорвать или просто игнорировать. Когда я пишу это, я уже вижу улыбки тех, кому хотелось бы верить в это, но кто считает такую перспективу утопичной. Сто лет назад любые намеки на то, что когда-нибудь станут возможны хирургические операции по пересадке органов, что мы сможем в прямом эфире наблюдать за событиями, происходящими в любой точке планеты, что мы достигнем луны, что межконтинентальные путешествия будут занимать лишь несколько часов, а визуальная коммуникация и вовсе станет моментальной, считались бы совершенно абсурдными. Не случайно девиз Мирового социального форума гласит – «Другой мир возможен!»

За небольшими исключениями социология молчит по таким поводам. Даже упоминание чего-то подобного чревато насмешками со стороны беспристрастных веберианцев. Неудивительно, что в аспирантурах практически не поддерживаются исследования, построенные по некапиталистическим лекалам. Ирония заключается в том, что существует огромный пласт исследований, критически рассматривающий разнообразные аспекты капитализма, но практически ни одно их них не ставит под вопрос само его существование и не содержит размышлений о построении некапиталистического общества. Даже такой продвинутый и прогрессивный мыслитель как Эрик Олин Райт приходит к такому выводу в своей книге «Представляя реальные утопии» (Envisioning Real Utopias).

Но сейчас настало время для того, чтобы новая радикальная прогрессивная социология ответила на теоретический вызов и обратилась к исследованию некапиталистических обществ. Это подразумевает критическое отношение к догме непрерывного роста, которая лежит в основании капиталистической глобализации, социальной демократии, а также ортодоксального марксизма. Эта тематика уже обсуждается в рамках концепции convivial degrowth («сдерживание роста при сохранении благополучия»). Она предполагает, что богатые станут беднее, бедные станут материально обеспеченнее, и при этом обе группы станут богаче с нематериальной точки зрения. На смену культуре и идеологии консюмеризма придет культура-идеология прав и ответственности человека, интегральной частью которой будет обеспечение достойного уровня жизни для всех и каждого.

Только через игнорирование рынка мы можем избежать неотвратимых катастрофических последствий капиталистической глобализации. Не спорю, это действительно звучит не самым реалистичным образом, но только до тех пор, пока мы не обратим внимания на ахиллесову пяту глобального потребительского капитализма, а именно на то, что он основан на потребительском суверенитете, и потребителей нельзя заставить употреблять фаст-фуд и вредные напитки, вредную культуру, вредные привычки. Сила капиталистического маркетинга, капиталистической рекламы и идеологических корпоративно-государственных аппаратов поистине чудовищна, но если объяснить родителям глубину вреда, оказываемого на них и их детей рынком, то, быть может, надежда на выживание планеты и людей вновь воскреснет. Как бы трудно ни было представить себе конец капитализма и иерархического государства, а также осознать необходимость снижения темпов роста (а может быть и перспектив анти-роста), сделать это необходимо как можно скорее, ведь промедление лишь усугубляет серьезность проблемы. ■

Корреспонденцию направлять Лесли Склэр на адрес <l.sklair@lse.ac.uk>

[1] Я писала об этом в своих книгах «Транснациональный капиталистический класс» (*The Transnational Capitalist Class* (Oxford: Blackwell, 2001) и «Глобализация: капитализм и альтернативы» (*Globalization: Capitalism and its Alternatives* (Oxford: Oxford University Press, 2002).

> Бросая вызов нео-экстрактивизму в Латинской Америке

Маристелла Свампа, Национальный университет Ла-Плата, Аргентина

Индейцы мапуче протестуют против горной добычи в Аргентине.

По всей Латинской Америке активисты и интеллектуалы ставят под вопрос динамику накопления капитала и модели развития, а также обсуждают такие понятия как нео-экстрактивизм, «буэн вивир», или право на хорошую жизнь, общие блага, а также права природы. Надежность и устойчивость современных моделей развития вызывает у критиков сомнения, и они выдвигают альтернативные модели отношений между обществом, государством и природой. Эти дебаты особенно горячи в Эквадоре и Боливии, где всенародно избранные правительства начала XXI века показали, что готовы следовать новым планам развития.

Однако эти дебаты постепенно становятся все более многоуровневыми и непростыми. По мере того как власти расширяют эксплуатацию природных ресурсов, начинает формироваться так называемая критика нео-экстрактивизма. Под «нео-экстрактивизмом» подразумевается модель накопления капитала, основанная на гиперэксплуатации природных ресурсов. Этот термин занял ключевые позиции в политической грамматике социо-территориальных движений, а также движений крестьянских поселения и коренного населения. Нео-экстрактивизм характеризуется большими объемами сырьевого экспорта, зачастую через посредничество крупных инвестиционных компаний (мегапредприятий). Эта экономическая политика может оказывать негативное влияние на территории и экосистемы. Нео-экстрактивизм подразумевает открытую добычу полезных ископаемых, углеводородную эксплуатацию, строительство крупных гидроэлектрических плотин (для добычи), расширение добычи рыбы, масштабную вырубку лесов, а также рост агробизнеса (генно-модифицированные посевы – такие как соя, масличная пальма, биотопливо).

Я называю текущую фазу накопления капитала «товарным консенсусом» (*commodity consensus*, Svampa, 2011, 2013), признавая, что в отличие от 1990х гг. сегодня латиноамериканские экономики выигрывают за счет высоких цен на сырье на мировом рынке. Латиноамериканские правительства подчеркивают достоинства сложившейся системы и стараются завуалировать новые формы неравенства, созданные международным разделением труда и территорий. Большинство государств разделяют продуктивистский взгляд на развитие, отмахиваясь от любой критики и информации о негативных влияниях и игнорируя общественный протест.

>>

Товарный консенсус подчеркивает широкомасштабное возвращение региона к первичной экстракции. Этот процесс усугубляется по мере роста влияния Китая, основного потребителя латиноамериканского сырья. В 2013 году Китай был основным направлением чилийского и бразильского экспорта. Он стал вторым по важности импортером сырья, поставляемого из Аргентины, Перу, Колумбии и Кубы, третьим – из Мексики, Уругвая и Венесуэлы (Slipak, 2014).

> Фазы товарного консенсуса

Товарный консенсус прошел через несколько фаз. Его источник – неолиберальная глобализация и Вашингтонский консенсус 90х, послуживший причиной глубинных трансформаций в латиноамериканских обществах и экономиках, так как государства благоволили транснациональным фирмам, и новые законы способствовали развитию экстрактивистской деятельности (мегаразработки горных пород, нефтедобыча, выращивание генномодифицированных сельскохозяйственных культур).

В конце 90х годов в Боливии, Эквадоре и ряде других стран возникли интенсивные анти-неолиберальные движения. Однако прогрессивные правительства, пришедшие к власти в результате этих процессов, столкнулись с серьезнейшими вызовами, ограничениями и конфликтами. Когда мировые цены на сырье достигли нового пика в 2003 году, в силу вступил Товарный консенсус, сочетавший в себе высокую прибыльность и сравнительные преимущества. Первая фаза отличалась подавлением конфликтов, связанных с добычей сырья, в то время как большинство государств завязали новые тесные связи с частным транснациональным капиталом. Несмотря на националистическую риторику, в течение последующего десятилетия экстракционные проекты разрастались, а крупные транснациональные корпорации заняли центральное место в национальных экономиках.

С 2009-10 гг. процесс перешел во вторую фазу, отличавшуюся еще большим внедрением экстракционных проектов. В случае Бразилии Программа ускорения роста предполагает сооружение нескольких плотин в Амазонии. В Боливии большой индустриальный скачок (gran salto industrial) предполагает множество экстракционных проектов (по добыче газа, лития, железа, а также по развитию агробизнеса). В Эквадоре планируется мегаразработка полезных ископаемых. Стратегический план в Венесуэле повлечет за собой расширение нефтедобычи в Поясе Ориноко. Аргентинский сельскохозяйственный стратегический план 2010-2020 предсказывает 60-процентный рост производства сои и мегадобычи полезных ископаемых.

Мегадобыча вызвала в ряде стран глубокое социально-экологическое напряжение. По данным Центра исследования конфликтов в горной промышленности Латинской Америки, в 2010 году в регионе произошло 120 конфликтов, затронувших 150 сообществ. В 2012 году 161 конфликт коснулся 173 проектов и 212 сообществ, а в 2014 году число конфликтных ситуаций возросло до 198 с вовлечением 207 проектов в 296 сообществах. К апрелю 2015 года 208 задокументированных конфликтов затронули 218 проектов и 312 сообществ. Самые высокие показатели конфликтов представляет Мексика: здесь произошло 36 столкновений; в Перу – 35, в Чили – 34, в Аргентине 26, в Бразилии 20, в Колумбии 13, в Боливии 9, и, наконец, 7 в Эквадоре (http://www.conflictosmineros.net/).

В текущей фазе некоторые формы социо-экологической территориальной борьбы превышают уровень локальной политики и выходят на общенациональную арену. Примером этому являются такие различные кампании протеста, как попытки защитить национальный парк Исиборо в Боливии, где местное население выступает против строительства трассы, и попытки заблокировать строительство гигантской плотины в Бело Монте (Бразилия), и сопротивление мегадобыче в некоторых провинциях Аргентины, и окончательная отмена Инициативы Ясуни-ИТТ и милитаризация территории Итанг в Эквадоре, где проходило активное сопротивление ресурсным разработкам. В Перу сопротивление горнодобывающему проекту в Конге с 2011 по 2013 год повлекло за собой 25 смертей. В Мексике протесты против горнодобывающих мегапроектов и строительства плотины продолжаются, несмотря на колоссальное давление и насилие со стороны властей.

По большей части власти поддерживают экстрактивную деятельность, криминализуют и подавляют протесты, блокируют политическое участие местных и коренных сообществ. Расширяющаяся эксплуатация природных ресурсов и территорий со стороны крупного капитала накладывает серьезные ограничения на коллективные и экологические права, разбивая вдребезги эмансипаторные нарративы, встреченные с надеждой в таких странах как Боливия и Эквадор. Растущая пропасть между дискурсом и практикой, криминализация протестов против экстракционной деятельности, указывают на откат демократии, на переход прогрессивных народных правительств к более традиционным режимам господства на основании классически популистских моделей национального развития. ■

Корреспонденцию отправляйте Маристелле Свампе на адрес <maristellasvampa@yahoo.com>

Источники

Slipak, A. (2014) “Un análisis del ascenso de China y sus vínculos con América Latina a la luz de la Teoría de la Dependencia.” *Realidad Económica* 282: 99-124.

Svampa, M. (2011) “Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías y escenarios en disputa,” in F. Wanderley (ed.), *El desarrollo en cuestión. Reflexiones desde América Latina*, CIDES, OXFAM y Plural, La Paz.

——— (2013) “Consenso de los ‘Commodities’ y lenguajes de valoración en América Latina” в журнале *Nueva Sociedad*, 244.

> Экстрактивизм и *Buen Vivir* в Эквадоре

Уильям Захер и **Мишель Баэс**, ФЛАКСО (Латиноамериканский институт социальных наук), Эквадор

Постройка лагеря для будущего медного карьера «Mirador« в местности Тундайме, область Замора-Чинчипе, Эквадор. Фото Омара Ордоньеса.

В 2007 году новаторский политический проект Гражданской революции *(La Revolucion Ciudadana),* осуществленный президентом Эквадора, Рафаэлем Корреа, вызвал огромный региональный и международный интерес. В 2009 году Конституционной собрание утвердило новую Конституцию страны, декларирующую природо-охранные права *(the rights of nature)*, а в 2009 году первый государственный план национального развития *(Plan Nactional para el Buen Vivir,* Государственный план хорошей жизни) аннулировал доминантную парадигму, признав «разрушительный характер экстрактивистского пути развития стран Юга». Более того, передовая инициатива Фонда Ясуни *(Yasuni-ITT),* привызающая к сворачиванию нефтедобычи в Эквадорской Амазонии в обмен на поддержку международного сообщества, развивала стратегию радикального перехода к пост-экстрактивистскому Эквадору. Каковы же последствия семи лет реализации этого политического проекта для горнодобывающей и нефтяной промышленности? Что осталось от первоначального замысла и той надежды, воплощением которой стала политика президента Корреа?

> Расширение фронтов добычи ископаемых

В течение последних нескольких лет президент Корреа благосклонно относился к расширению горизонтов добычи полезных ископаемых. В нефтяном секторе новые концессии в рамках двух последних раундов нефтяных торгов открыли

>>

для разработки более трех миллионов гектар в Амазонии. В 2013 году Эквадор отказался от упомянутой выше инициативы Фонда, в результате чего части Национального парка Ясуни, в котором проживают несколько коренных народностей, в том числе находящиеся в добровольной изоляции, оказались открытыми для разработки полезных ископаемых. В целом с 2009 года правительство поддерживает многочисленные горнодобывающие мегапроекты, многие из которых были запущены еще в неолиберальный период, прошедший под знаком трансформации Эквадора в горнодобывающую страну. Сегодня множество проектов по добыче меди и золота продолжают функционирование, несмотря на то, что добыча происходит в высокосензитивных точках, где проживает коренное население, а также в местах с повышенным биологическим разнообразием и водными запасами.

Самые важные из этих проектов принадлежат транснациональным компаниям. Среди них: чилийская государственная компания Codelco, владелец проекта Llurimagua в области Интаг; Канадские горнодобывающие компании Lundin Mining, Cornerstone и Dynasty Metals, продолжающие развитие своих эквадорских активов из безопасной «легальной гавани» в Канаде; и китайские государственные компании Tongling и China Railways. Итак, несмотря на создание государственной горнодобывающей компании, ENAMI (Empresa Nacional Minera), Эквадор не контролирует перспективы добычи полезных ископаемых на своей территории.

Надо сказать, что правительство успешно увеличило доходы государства от продажи нефти, пересмотрев контракты и увеличив степень участия госкомпаний. Однако, новые районы бурения в основном предназначены для иностранных компаний. Кроме того, и это немаловажно, за последние пять лет Эквадор получил более $10 млрд. займов от китайских банков, что привело к постоянному отводу части нефти, так как долг перед китайскими компаниями погашается в нефтяных баррелях. Поэтому на сегодняшний день около 90% добытой в Эквадоре нефти используется для погашения задолженности.

> Накопление через изъятие

На территориях нефтедобычи и горнодобывающих разработок компании и государственные министерства эксплуатируют правовую базу, закрепленную Гражданской революцией, чтобы изымать у населения земли, а у добывающих компаний среднего масштаба – оборудование. Это необходимо государству для создания материальных условий, позволяющих осуществлять крупномасштабную горнодобывающую деятельность.

Эти процессы - яркие примеры «накопления через изъятие» (термин Дэвида Харви) - привели к активизации многочисленных антиэкстракционных движений, которые опасаются потенциальных экологических и социальных катастроф, подобных тем, что в течение последних сорока лет произошли при добыче нефти в эквадорской Амазонии. В эти социальные движения включаются многие социальные акторы. Среди них крестьянские поселения и общины коренных жителей Амазонии (например, народности сараяку и шуар, а также метисы в местности Кордильера-дель-Кондор), племена, проживающие в тропических лесах Интаг и Пакто; народы из областей Парамо, а также организации урбанистов. Так, например, организация Yasunidos выступила с требованием всенародного референдума по вопросу об эксплуатации национального парка Ясуни. Однако проведение референдума не было одобрено парламентом страны.

> Маргинализация, репрессии и криминализация социального протеста

Правительство отклонило критику этих движений в адрес политики экстракции (добычи ископаемых). И в государственных пресс-релизах, и в субботних телевыступлениях президента Корреа (так называемых Sabatinas), государственные СМИ называют противников экстракционной модели «инфантильными», утверждая, что добыча полезных является единственным возможным путем «развития» и «прогресса» в Эквадоре.

Против участников протестов применяется уголовное право (в особенности статьи «терроризм» и «саботаж»). Другие юридические инструменты (такие как codigo 16) используются для закрытия некоммерческих организаций (например, организации Pachamama, известной своей поддержкой борьбы народов Амазонии против нефтедобывающих компаний).

Наконец, увеличение численности полицейского и военного контингента на территориях горной и нефтяной добычи наводит ужас на местное население – ужас небезосновательный, так как известно о нескольких смертях местных жителей в результате столкновений с представителями силовых структур. Страх не дает высказываться критически настроенным гражданам и препятствует активизации гражданского общества в целом, предотвращая развитие публичной дискуссии об уместности экстрактивистской модели развития страны.

В другой нашей работе (Sacher, 2010) мы назвали государства, использующие свой аппарат для аккумуляции капитала посредством крупномасштабных горных разработок и нефтедобычи «минеральными государствами» и «нефтяными государствами». Именно таким постепенно становится государство Эквадора под руководством Рафаэля Корреа.

> Что осталось от «Buen Vivir»?

Президент Корреа и экстрактивистская политика его правительства противоречат своей собственной официальной риторике. Официальные заявления подвергают жесткой критике традиционные модели «развития», конвенциональные представления об экономическом росте, эксплуатацию человека и природы, требуя положить конец экстрактивизму. Тем не менее, реальные меры правительства абсолютно противоречат духу Конституции 2008 года. Правительство утверждает, что горнодобывающие и нефтяные компании «со всей ответственностью» подходят к добыче природных ресурсов, и что сегодня экстрактивизм является необходимым шагом для того, чтобы уже завтра иметь возможность оставить его в прошлом. Но, по выражению эквадорского философа Давида Кортеса, президентский «Sumak Kawsay» (Buen Vivir) принес нам не новую парадигму развития, а лишь очередное средство легитимизации политики агрессивного экстрактивизма и новую тактику власти. ■

Корреспонденцию отправляйте Уильяму Захеру на адрес <william.sacher@mail.mcgill.ca> и Мишель Баэс на адрес <baemic@gmail.com>

Источники

Sacher, W. “The Canadian mineable pattern: institutionalized plundering and impunity.” *Acta Sociológica* 54, January-April 2010, pp. 49-67.

> Борьба за общественное

в Мексике

Мина Лорена Наварро, Автономный университет Бенемерита города Пуэбла, Мексика

Мёртвая рыба в реке Сантьяго, Мексика.

В течение последних пятнадцати лет в Мексике мы наблюдаем все большее распространение экологической борьбы против того, что Маристелла Свампа (2013) называет «товарным консенсусом» - это конфликты, связанные с доступом, контролем и управлением природными ресурсами. Причина ожесточения борьбы – разрастание одного из видов экстрактивизма, превращающего общественное богатство в товар с целью накопления капитала. Экстрактивизм приводится в действие тремя социально-экономическими процессами (Navarro, 2015).

• Во-первых, ему способствует развитие новой агропромышленной транснациональной пищевой промышленности, исключающей небольших сельских производителей и подрывающей крестьянские хозяйства;

• Во-вторых, расширение сети дорог, портов, аэропортов, железных дорог и туристических мегапроектов, создает новые возможности для коммодификации природных ресурсов;

• В-третьих, экстрактивизм опирается на фрагментацию социальных связей в результате крупных инфраструктурных проектов и экстенсивной урбанизации, угрожающей культивируемым территориям, имеющим статус природоохранных зон.

>>

Эти изменения продвигаются национальным и транснациональным капиталом в союзе с различными структурами власти и организованной преступностью. Юридические стратегии, в том числе кооптация, дисциплинирование и разделение местных сообществ поддерживают эти новые сферы эксплуатации и маркетинга.

В настоящее время мы с тревогой наблюдаем за ростом преследований и насилия в отношении участников борьбы за защиту общих ресурсов. Мексиканский Центр экологического права (CMDA) зарегистрировал 44 случая убийства экологических активистов между 2005 и 2013 гг. За тот же период зафиксировано 16 случаев криминализации, 14 случаев незаконного применения силы и 64 незаконных задержания. Несмотря на репрессии, движение сопротивления экстрактивизму в Мексике растет; в его авангарде – общины коренных жителей и крестьянские поселения, а в последнее время - городские автономные группы. Сельские общины перешли в стратегическое наступление, чтобы бойкотировать строительство гидроэлектростанций, угрожающих им переселением и в принципе ставящим под угрозу их доступ к средствам существования. В Герреро, Совет эхидо и общин (CECOP) приобрел известность благодаря своей успешной двенадцатилетней кампании по блокировке строительства плотины Парота.

В то же время, в течение последних 15 лет, мексиканское правительство выдало 24000 концессии на открытую и ректификационную добычу сланцевого газа. Распространение генетически модифицированных продуктов является еще одной ареной конфликта - этот тренд встречается упорное сопротивление крестьян и общин коренных жителей Мексики. Упорство этих движений недавно помогло им выиграть судебный процесс, в результате которого были заморожены корпоративные разрешения на выращивание генетически модифицированной кукурузы. В других случаях борьба направлена на транспортные инфраструктурные проекты - автострады, железные дороги, порты и аэропорты, - направленные на уменьшение стоимости транспортировки сырья. Народный фронт в защиту земли в Атенко, штат Мехико, во второй раз - как и в 2001 – выступает против строительства нового международного аэропорта города Мехико. Туристические мегапроекты угрожают общинам крестьян и рыбаков, а также могут нарушить богатое биологическое разнообразие застраиваемых зон. Борьба общины Кабо Пулмо приобрела символическую важность благодаря успешной блокировке разрушительного мегапроекта, угрожавшего одному из самых важных коралловых рифов в мире.

В таких городах, как Мехико и Пуэбла, десятки движений стремятся помешать развитию инфраструктурных проектов на территориях национальных заповедников и сельскохозяйственных землях. Многие общины и кварталы поселений страдают от открытых свалок и токсичных отвалов, а также загрязненных рек и водных путей. Наблюдались случаи огромных разливов токсичных веществ, вызванных открытой добычей ископаемых. Так, например, разлив 40 миллионов литров сульфата меди в реку Сонора на севере Мексики оказал влияние на 23000 жителей, которые создали Объединенный Фронт против кампании Grupo México, ответственной за эту катастрофу. Кроме того, имели место взрывы и крупные разливы нефти в результате операций государственной нефтяной компании PEMEX.

Даже если общинам не всегда удавалось отстоять свою территорию, им удавалось приостановить строительство, а в некоторых случаях даже добиться отмены мегапроектов. Добиться таких результатов удается благодаря беспрецедентной коллективной самоорганизации представителей общин, а также тому, что они берут на вооружение и развивают традиционные формы управления. Например, поселения коренных народов Херан в Мичоакане сумели предотвратить вырубку лесов, защищая свои территории, как от официальных лесозаготовителей, так и от браконьеров - представителей организованной преступности.

Эта борьба показывает нам, какие опасности таит в себе капиталистическое развитие. Кроме того, изучение протестов против экстрактивизма помогает осмыслить потенциальные альтернативы, способные спасти воспроизводство жизни (как человека, так и окружающего его мира). Борьба за общественное как политический проект преследует две цели. Первой из них является возврат и повторное присвоение (reappropriation) политического с целью изменения наших сообществ, второй – открытие новых возможностей и создание условий для автономного символического и материального воспроизводства жизни. Регенерация и защита общественных благ – базис человеческого существования, но вопрос о том, будет ли позволено общинам контролировать доступ к благам и их использование, остается центральным вопросом в условиях современного кризиса человеческой цивилизации. ■

Корреспонденцию отправляйте Мине Наварро на адрес
<mina.navarro.t@gmail.com>

Источники

Navarro, M. L. (2015) *Luchas por lo común. Antagonismo social contra el despojo capitalista de los bienes naturales en México*. Mexico: ICSyH BUAP/ bajo tierra ediciones.

Svampa, M. (2013) “Consenso de los ‘Commodities’ y lenguajes de valoración en América Latina” in *Nueva Sociedad*, 244.

> Новый аргентинский экстрактивизм

Мариан Сола Альварес, Национальный университет имени Генерала Сармьенто, Аргентина

Протест против горной добычи в Мендосе, Аргентина.

Аргентина – показательный пример расширения экстрактивистской деятельности в сфере сельского хозяйства, мегадобычи полезных ископаемых, а в последнее время и в области добычи неконвенциональных углеводородов методом гидравлического взрыва пород. Стремительная активизация в данной сфере привела к росту разнообразных движений антиэкстрактивистской направленности.

По мере того, как агробизнес зарождался и консолидировался в качестве сельскохозяйственной модели, Аргентина вышла на мировой рынок в качестве одного из крупнейших производителей генномодицированной сои. Рост цен на сырье, среди других факторов, обусловил расширение земель, предназначенных для крупномасштабного выращивания этой культуры с 370 000 га в 1996 году до более 20,5 миллионов га в 2014-15 гг. Хотя массовое производство сои и кукурузы на экспорт ускорило накопление земель в руках иностранцев, фермерство воспринимается как устойчивая национальная сельскохозяйственная традиция страны. Эта точка зрения ограничивает размах дебатов по вопросу о достоинствах и недостатках модели агробизнеса.

Несмотря на это, несколько типов сопротивления соевой модели все же возникли. Группы гражданских активистов, в том числе жители поселений, затронутых развитием, объединились под лозунгом *Paren de Fumigar* («Остановите фумигацию!»), они осудили последствия фумигации населенных территорий. Другие групп организовали протесты против соевой монокультуры, раскритиковав ее влияние на земли коренных народов и локальное биоразнообразие. Крестьянские поселения и общины коренных народностей стараются остановить переселение, требуя выполнения Государственного закона о лесах.

С 1990-х гг. растет актуальность добычи полезных ископаемых. К 2000-м годам масштабы открытой добычи выросли в геометрической прогрессии по сравнению с предыдущим десятилетием. Металлы, особенно золото и медь, стали вторым самым быстрорастущим экспортным сектором в Аргентине, вслед за соей. По данным Государственного министерства добычи полезных ископаемых, их экспорт вырос на 434 %, а число проектов выросло на 3,311%. Местные власти предложили множество концессий на охраняемых сельскохозяйственных территориях, а также в малых и крупных городах.

Несомненно, неолиберальная политика в Аргентине привела к разрастанию крупномасштабной добычи руды, с лишь небольшими изменениями с 2007 года. Законодательная база в стране способствовала расширению нео-экстрактивисткой модели, гарантируя «правовую безопасность» и высокую прибыль.

>>

Федеральное устройство Аргентины и конституционные реформы 1994 года способствуют тому, чтобы основные решения по поводу мегапроектов в руки принимались на уровне субнациональных территорий. В результате параметры мега-добычи отличаются от региона к региону в зависимости от позиции региональных властей, действий локальных экономических акторов, борющихся за или против развития определенного сектора, а также локальной политической, экономической и культурной динамики.

Организованное сопротивление новым горнодобывающим проектам и их эффектам является довольно распространенным в Аргентине. Множество движений возникли на территориях с горнодобывающими проектами, ими руководят «ассамблеи автономных граждан» *(asambleas de autoconvocados).* Однако эти группы имеют доступ к крайне ограниченному числу площадок для выражения общественного недовольства, так как провинциальные власти цензурируют и криминализируют социальный и экологический протест. Более того, эти группы испытывают трудности в доступе к публичной информации и коммуникации с государственными экологическими учреждениями.

Неолиберальная политика не только помогла расширить производство сои и новые проекты мега-добычи, но и положила основу для добычи углеводородов методом гидравлического разрыва пласта, неоднозначной технологии, чреватой серьезными социальными и экологическими рисками. Хотя экспериментальная техника применялась лишь крупными транснациональными корпорациями, государство добивается суверенитета в сфере неконвенциональных углеводородов и иных энергоносителей при помощи государственной корпорации YFM. Эта мера является эффективной, во всяком случае, на символическом уровне, так как государственная фирма как минимум выполнит обещание о восстановлении энергетической самодостаточности.

В 2013 году соглашение между YFP, Chevron и провинцией Неукен обозначило начало крупномасштабных разработок с применением технологии гидравлического разрыва пласта в Аргентине. С тех пор из-за открытия сланцевых залежей в Вака Муэрта, сокращается пространство для голосов несогласных, происходит публичная стигматизация оппонентов и замалчиваются случаи конфликтов. Несмотря на это, в провинциях сопротивление возрастает, особенно в Патагонии, где ассамблеи, мульти-секторные организации и коренные общины занимаются борьбой за воду и территории. В нескольких провинциях, в том числе в Буэнос-Айресе и в Энтре Риос, были приняты локальные законодательные акты, запрещающие дальнейшую эксплуатацию природных ресурсов.

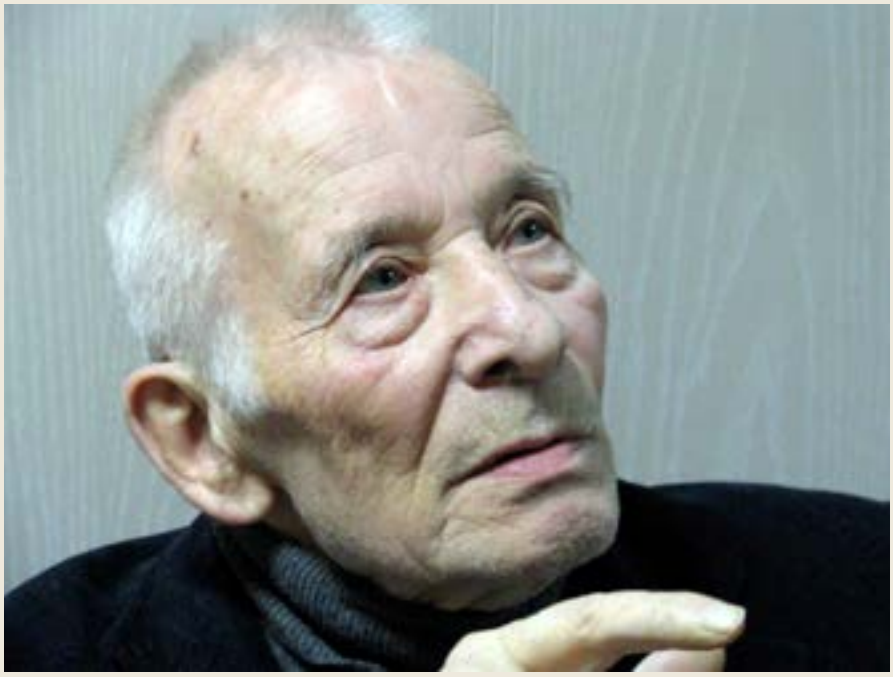
Расширение добычи также связано со строительством и реактивацией крупных централизованных гидро- и атомных электростанций, а также крупных инфраструктурных проектов по поддержке агробизнеса, крупномасштабной добыче полезных ископаемых, а также неконвенциональных углеводородов. Конкретные политико-институциональные схемы, благоприятствующие коммодификации и экстракции природных ресурсов, продвигались несколькими акторами-гегемонами, наделяя транснациональные корпорации властью над определенными территориями.

Перед нами вырастают многочисленные трудности, если мы подвергаем критике нео-экстрактивистскую модель экономики. С другой стороны, эта тема позволяет нам задуматься над тем, какое общество нам бы хотелось видеть. Несмотря на асимметрии власти, без вовлеченности общин в дебаты по вопросам, оказывающим значительное влияние на права человека, а также социальные, территориальные и экологические права, мы не сможем построить общество, воплощающее демократические идеалы. ■

Корреспонденцию направлять Мариан Соле Альварес на адрес <mariansoal@yahoo.com.ar>

> Жизнь, посвящённая открытой социологии

Михаил Черныш, РАН, Москва; член ИК МСА по вопросам социальных классов и общественных движений (RC47) и Тематической группы по вопросам прав человека и социальной справедливости (TG03)



Владимир Ядов.

Владимир Ядов принадлежал к поколению россиян, рожденных до Второй мировой войны, но начавших активную жизнь после нее. Он родился в Ленинграде, городе, в котором каждый камень хранит в себе мужество, самопожертвование и трагедию, жестокость сталинских репрессий, травму пережитых 900 дней блокады. Это сцена, на которой разворачивались удивительные подвиги творческого духа, связанные с именами Ахматовой, Шостаковича, Бродского и других великих представителей российской культуры.

В 1945 году, когда Ядову было шестнадцать, он мечтал стать летчиком. Сразу по окончании средней школы, он записался в летную школу, но не смог там учиться. Предпочтение отдавалось физически сильным молодым людям, он же был слишком худым и слабым. Ядов не оставил мечту о загоризонтных далях, его поманил горизонт философских идей. Он поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета, окончил его с отличием и продолжил обучение в аспирантуре. В начале пятидесятых Ядов защитил диссертацию на тему «Идеология как форма общественного сознания». Встреча с Игорем Коном повернула Ядова к социологии, новой области социальных исследований, только что открывшейся в атмосфере политической Оттепели.

В те времена в Советском Союзе социология не имела официального статуса. Власти рассматривали ее как опасное посягательство на территорию, где господствовал научный коммунизм. Последний должен был служить универсальным объяснительным механизмом для всего, что происходило в советском обществе. Когда Ядов принимал решение провести одно из первых эмпирических исследований в советской истории, он вставал на зыбкую почву. Задача была по-настоящему сложной: исследование ставило целью проверить марксистскую гипотезу о том, что новые советские условия производят на свет Нового

>>

человека –личность нового типа, готовую жертвовать личным комфортом ради общего блага. Исследование, которое провел Ядов с коллегами, вылилось в книгу «Человек и его работа», ознаменовавшую прорыв в российской социологии.

Позиции в отношении социализма в те дни сводились к двум крайностям. Сторонники социализма восхваляли новую систему, считая социалистическое общество самым продвинутым в истории человечества. Критики же описывали социализм как «империю зла», укрепляющую худшие стороны человеческой природы. Ядов показал, что советский человек ничем не отличался от мужчин и женщин в других странах. Советский человек желал благополучия своей стране, но в то же время очерчивал свою личную траекторию, следуя за мечтой о личном счастье и развитии. С той первой работы Ядов никогда не скрывал своего оппозиции к эссенциализму. Он выступал против любой попытки «укоренения» социологии ("an indigenous sociology"), ограничения этой сферы знаний национальными границами. Не бывает кенийского велосипеда, утверждал он; все велосипеды имеют много общего между собой. Он настаивал на интеграции российской социологии в мировое сообщество ученых-обществоведов, а также на объединении ресурсов для изучения современности в какой бы то ни было форме.

Ядов был одним из тех ученых, кто бросил вызов примату советской идеологии. Игорь Кон, Татьяна Заславская, Борис Грушин, Андрей Здравомыслов, Владимир Шубкин были частью того небольшого круга советских социологов, который боролись за честностную науку, свободу слова и открытость миру. Владимир Ядов поддерживал традиции этого сообщества, напряженно работая в области методологии социальных наук и развивая стратегии исследования социальных изменений. Этим объясняется его выбор в пользу активистской социологии и приверженность мульти-парадигмальным моделям общественных изменений.

В 1988 году перестройка позволила ему занять должность директора Института социологии РАН. Ядов и его соратники воспользовались возможностью сделать социологию легитимным направлением социальной науки, открыть социологические факультеты и кафедры, направить молодых выпускников за границу для продолжения образования и выработки нового взгляда российское общество.

Постсоветские годы не оправдали многих надежд и ожиданий, но Ядов сохранял оптимизм до конца своих дней. Он работал на благо российского и международного социологического сообщества до последнего дня. Он мужественно боролся с болезнями, продолжал путешествовать, поддерживал отношения с коллегами во всем мире, делал все, чтобы Россия оставалась частью глобального социологического сообщества. Он продолжал наставлять молодых исследователей, полагая, что социологи, должны понять, что происходит в обществе и делиться своим пониманием с остальными. 2 июля 2015 года профессора Ядова не стало. Те, кто его знали, сохранят в памяти его улыбку, идеи и несомненную преданность социологии, для развития которой он так много сделал. ■

Корреспонденцию отправляйте Михаилу Чернышу на адрес <mfche@yandex.ru>

> Учёный и гуманист

Андрей Алексеев, Санкт-Петербург, Россия

Ядов читает доклад под портретом Ленина.

Шесть лет назад отмечали восьмидесятилетие. Ядов ушел на 87-м году жизни, в ночь с первого на второе июля 2015 года. Можно сказать – после тяжелой продолжительной болезни. Однако, до самого последнего времени сохраняя остроту ума и даже работоспособность.

Ядовым по существу кончается Эпоха в нашей науке. Он оказался долгожителем: Грушин, Левада, Заславская, Здравомыслов, Шубкин, с которых также начиналась послевоенная советская / российская социология, ушли раньше него.

За истекшую пару недель мне довелось прочитать не один десяток некрологов и индивидуальных откликов на его кончину. Некрологи насыщены фактами профессиональной биографии и свидетельствами мирового научного признания (вот только звания академика РАН не удостоился, но это проблема скорее Российской академии наук, чем его личная). Индивидуальные тексты изобилуют личностными штрихами, «случаями из жизни».

>>

Так, наверное, и должно быть, потому что в текстах находит отражение как научный вклад, так и человеческое обаяние, его талант ученого и харизматичность.

Ядов был Интеллектуалом и Интеллигентом (то и другое с большой буквы). Эти два определения – далеко не синонимы. Ядов был носителем замечательного сплава того и другого.

Хочется указать на одну уникальную черту Ядова: он был ШИРОК, являя собой удивительную многои/или разносторонность. Отнесем это, в частности, к кругу научных опор и интересов. Ядов всю жизнь осуществлял то, что можно назвать конвергенцией разных научных парадигм.

Ядов не был ортодоксальным марксистом (таковым не был и сам Маркс). Еще в шестидесятые годы Ядов искренне поддерживал трактовку истмата как «общей социологической теории», настаивая, однако, на относительной автономии «частных социологических теорий». Не был Ядов и адептом позитивизма, хотя его многократно переиздававшийся учебник «Стратегия социологического исследования» вобрал в себя весь мировой опыт эмпирической социологии, развивавшейся прежде всего на позитивистской парадигмальной основе.

Благодаря Ядову вошел в российский научный дискурс термин ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ. Ядов вполне допускал выбор той или иной теории в зависимости от поставленной задачи.

Ядов – широк. Его «Прогнозирование социального поведения личности», пожалуй, не менее психологично чем социологично. Научные перегородки не для Ядова и таких как он.

Ядов – широк. Он столь же публичный, сколько и академический социолог. Его способность излагать сложнейшие научные материи доступным для «непосвященной» аудитории языком и, наоборот, вносить струю «живой жизни» в доклады с высокой академической кафедры – не имеет себе равных.

Ядов – широк. Он был достаточно терпим и к научным оппонентам и к идейным противникам. Он их «прощал», но не упускал случая едко высмеять. Это относилось и к властям предержащим, и даже к самому себе (ирония и самоирония).

Не будучи никогда завзятым «оппозиционером», он часто оказывался в неявной оппозиции режиму, в силу одного того, что искал научную истину, которая режиму была вовсе не нужна.

Ядов широк и щедр. Я никогда не спрашивал его, да думаю, он и не сумел бы ответить сколько у него научных «крестников» (писавших диссертацию под его руководством, или защищавших ее при его оппонировании). Полагаю, что за его долгую научную жизнь их набралось не одна сотня.

Вспоминается драматический эпизод: Ученый совет, в котором Ядов был председателем, «вдруг» забаллотировал тайным голосованием (при отсутствии публичной критики) диссертацию молодого ученого, выражавшего свои мысли весьма затрудненным, «птичьим» языком. Ядовский выход из этого скандала был как всегда непредсказуем: он написал статью, в которой перевел «заумные» рассуждения на нормальный научный язык, тем самым реабилитировав амбициозного, талантливого автора и, отчасти, сам ученый совет.

Я нарочно останавливаюсь больше на чертах Ядова – Ученого, Педагога и Гражданина, а не на личностной ауре, человеческом обаянии, о которых преимущественно пишут и говорят все, кто его знал.

Масштаб личности измеряется мерой влияния на ближнее и дальнее социальное окружение, в данном случае – на развитие целой научной отрасли. Ядов был первопроходцем, зачинателем. Те, кто придут на смену, Ядова не заменят. Им остается хранить о нем благодарную память и, в меру сил, выращивать в себе элементы его отношения к Науке, Людям, Миру. ■

Корреспонденцию направлять Андрею Алексееву на адрес <alexeev34@yandex.ru>

> Учитель, коллега и друг

Татьяна Протасенко, Институт социологии РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ядов отдыхает на даче.

Я познакомилась с Владимиром Александровичем Ядовым на Ученом Совете философского факультета ЛГУ, где в то время работала стенографисткой. Кажется, это было в начале 1965 года. Ядов тогда только что вернулся из стажировки в Англию и отчитывался на Ученом Совете. Это было настолько интересно, неформально и нескучно, что я, привыкшая к занудным и заумным выступлениям философов, вдруг открыла для себя социологию, заинтересовалась и поступила учиться на философский факультет, в большой надежде, что там появится специализация по социологии. Можно сказать, что Ядов мне это обещал. Тогда у нас царствовал истмат... Потом мы не раз просто беседовали с Владимиром Александровичем на разные, зачастую, бытовые темы. Тем более, что встречаться мне с ним приходилось часто — я печатала анкеты социологических опросов, которые в то время проводили под его руководством. И я очень горда, что мы вместе с Валей Узуновой, также его ученицей и аспиранткой, стенографировали защиту его до кторской диссертации. Тем более, что ситуация там была достаточно скандальная вследствие наглых обвинений одного из его сотрудников.

И хотя я училась в аспирантуре у О.И.Шкаратана, Владимир Александрович стал для меня Учителем, близким коллегой, другом, образцом для подражания, а впоследствии прекрасным начальником, с которым было очень комфортно работать.

Он действительно был Социологом от Бога. Публичным социологом, находящим общий язык с любым человеком. Будь это большой начальник и даже Президент, или самый обычный человек, которых мы и опрашивали... Он не кичился своим положением, и всегда старался быть вместе со своими сотрудниками — и на конференциях, и на неформальных посиделках, и на полях совхоза Ленсоветовский, куда мы регулярно ездили полоть и собирать цветную капусту и брюкву. Очень немногие начальники в нашем Институте это делали. Например, Бориса Дмитриевича Парыгина мы там никогда не видели. А бригадирши его обожали, всегда интересовались, если Ядов не приезжал или задерживался — а где ваш доктор, или профессор. Но чаще им почему-то нравилось называть его доктором. И с лаской в голосе бригадирша говорила: «Ну, чего ты, профессор, расселся на кондиции. Надо учиться различать, где хорошая брюква, а где плохая, какую будем людям скармливать, а какую скоту...» Ядов тут же рассказывал анекдот на тему. А заодно интересовался условиями жизни, работы, семьей.

Мы с ним пережили самые мрачные и тяжелые времена в ИСЭПЕ. И везде он держался на должном уровне. Никого не предавал, выручал. И, можно сказать, спасал. Я это

>>

также почувствовала на себе в очень сложные времена в своей жизни. Именно он предложил мне стать секретарем парторганизации нашего второго социологического отдела, чтобы держать руку на пульсе и отбиваться от нападок Сигова, Лобанова и прочих разных шведов… При этом придумал много разных вариантов поведения в партийной среде. Как ни странно, полемизировать и отстаивать свои интересы социологи могли прежде всего в публичном партийном пространстве.

И при этом мы не прекращали работать, проводить опросы…

И еще мы спасались чтением детективов. Ядов очень любил детективы, считал, что они развивают интеллект, логическое мышление, дают знание о повседневной жизни.

Когда его уволили, по понедельникам, бывало, мне звонил Владимир Александрович, либо Людмила Николаевна с вопросом — есть ли новые детективы. Я в то время дружила со старушками, которые держали домашние библиотеки, основной набор книг — были самостоятельно переведенные детективы и новые романы известных зарубежных писателей. Старушки были из бывших. Имели друзей и родственников за рубежом, которые эти книги в оригинале сюда привозили либо присылали… А такие, как я, умевшие быстро печатать на машинке, их размножали.

У меня до сих пор хранятся экземпляры наших самиздатовских детективов. В том числе самодеятельный перевод Крестного Отца, и, на мой взгляд, этот перевод много лучше и полнее, чем тот перевод, который был опубликован в одном из наших толстых журналов. А впоследствии издан отдельной книгой.

Кстати, именно Ядов буквально заставил меня писать тексты прямо на пишущей машинке. До того, несмотря на свое умение печатать, я писала все от руки. Он надо мной издевался. Рассказывал, как сам начал писать прямо на машинку. В итоге победил. С тех пор тексты я пишу, используя печатные устройства — тогда пишмашинка, теперь компьютер.

Наверное, многие помнят, что любимой песней Ядова была песня А.Галича «Мы похоронены где-то под Нарвой». Практически на всех наших посиделках, где была гитара или солисты, умевшие заводить публику, мы пели эту песню. Интересно, что Ядов всегда отбивал текст в определенных местах песни. Насколько я помню, это были слова:

Если зовет своих мертвых Россия — значит беда.
Вот мы и встали в крестах и нашивках…
Только мы видим, что вышла ошибка.
И мы ни к чему. …
Где в 43-м легла наша рота
и вовсе зазря…
там по пороше гуляет охота, кричат егеря..

Как-то я спросила его, почему ему так нравится эта песня. Ответ был следующим: потому что это о бессмысленности жертв, жертв, которые приносят во имя общей цели отдельные люди, во все времена. Хоть во время войны, хоть сейчас…

Вспоминаю, как мы праздновали его пятидесятилетие в ИСЭПе. Мы подарили ему бочонок с вином. Он был очень доволен и потребовал обязательно доставить его вместе с бочонком домой. «Представляете», — говорил он, — «Люка открывает дверь, а тут я сижу перед дверью на бочонке. И чтоб больше никого из вас не было…» В этом был весь Ядов.

А еще помню, как он мне привез для моего полугодовалого сына непромокаемые штанишки из Будапешта, штанишки оказались малы. И он возмущался, что ты его так раскормила… При этом умудрился обменять их на больший размер через своих друзей … в этом был весь Ядов — человечный, близкий, понимающий и… очень умный. Порой даже недосягаемый в своем мыслительном процессе…, умевший скрепить и связать порой очень странные вещи.

Последнее мое очень, кстати, личное воспоминание о Ядове двухлетней давности. Мы с Олегом Божковым летом 2013 г. были у него на хуторе в Эстонии. Нас привез туда Алексей Семенов, один из любимых учеников Ядова, уже много лет живущий в Эстонии. Тогда он собирался избираться в состав законодательной власти Таллина. А все последние годы он со своей женой Ларисой трогательно о Ядове заботился. Честно говоря, это были чуть ли на самые веселые, счастливые и беззаботные часы моей жизни. Мы вспоминали прошлое, травили анекдоты, пили мартини и красное вино. И заводилой был Ядов. И тем не менее успели поговорить о роли и месте социологии сейчас, о том., что должны делать социологи и как отвечать на вызовы современности… Особенно тогда, когда тебя душит в объятиях власть… А в середине посиделок он вдруг спросил — Донцову читаешь? Для справки — Донцова автор огромного количества детективов, причем жена декана психологического факультета МГУ. Многие считают. что она — автор-пустышка. А Ядов опять же обратил внимание на то, что в ее романах много деталей современной повседневной жизни. Может, это муж на нее влияет — в заключение сказал он… Это интересно и даже познавательно.

Мы все его будем помнить, и, прежде всего за человечность, неизбывный интерес к жизни и абсолютно неожиданные гипотезы, выводы, темы для исследований…

Я его всегда очень любила и люблю… ■

Корреспонденцию отправляйте Татьяне Протасенко на адрес <tzprot@mail.ru>

> Личные воспоминания

Валентина Узунова, Кунсткамера, МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ядов на празднике в ИСЭП АН СССР (Ленинград).

Владимир Александрович Ядов читал на философском факультете спецкурс «Конкретно-социологические исследования». Читал так азартно, что однажды упал. В самой большой аудитории факультета № 150 большая черная доска, на которой он писал мелом, была длиннее, чем тот сценический помост, по которому он бегал. Мы даже охнуть не успели, как Ядов пружинисто вскочил и продолжил говорить и писать, не сбившись ни на одно слово. На том же самом месте молодой преподаватель основ высшей математики столбом стоял, хотя ему вроде бы и полагалось исписывать всю доску формулами.

Владимир Александрович завербовал меня в социологию мимоходом в 1967 году, когда мы с ним вместе вычитывали тексты стенограмм выступлений на защите его докторской диссертации. Мало сказать, что защита проходила бурно. Академично выступала только Галина Андреева, красиво гляделся Юрий Левада. По большой аудитории истфака все время шел шум и нетерпение, было очевидно, что уплотняются враждующие группировки яростных сторонников и давних неприятелей Ядова. Стенографировать было тяжело, отдельные реплики выкрикивались с мест. Мне передавалось волнение Владимира Александровича, спрятанного за высокой трибуной. Мне казалось, что он с трудом заставляет себя читать подготовленные протокольные тексты, ему хотелось ораторствовать, убеждать, спорить. Резким контрастом этому настрою выглядела его работа по оформлению громадной пачки документов, которые формируются для отправки в ВАК. Мы работали с этими скучными бумагами вместе. И неожиданно поинтересовался, что я думаю о перспективах своего обучения на философском факультете. Он был уверен, что будущее – за социологией, что самая интересная и перспективная работа предстоит социологу. И я ему безусловно поверила и не разочаровалась в этом. А вот история из давних 1970х. Социологи-комсомольцы Ленинграда не продемонстрировали должного уровня солидарности с мнением партбюро по поводу отъезда на ПМЖ двух наших коллег и друзей, один из которых женился на иностранной гражданке, а другого увозила семья. Из текста стенограммы нашего заседания не складывались предусмотренные протокольные выводы. Общее мнение дружно гласило, что «отъезд — личное дело и право выбора каждого». Видимо, именно это единодушие показало надзирающим органам степень нашей бесконтрольности. «Слишком смело разговаривают, кто-то их поддерживает...» — отрикошетило от стен во всех секторах. Оргвыводы последовали позже и обрушились на головы наших руководителей. Это означало, что надзиратели наконец-то поименно определились с тем, кто же это нас воспитал такими свободолюбивыми и реально поддерживает. Все наши учителя стали опальными, и Ядов Владимир Александрович — в первую голову.

Последний раз мы обнялись на его восьмидесятилетнем юбилее.
— Чем ты сейчас занимаешься?
— Пишу научные экспертизы по текстам, возбуждающим вражду и ненависть.
— Это же очень интересно, Валя!
— Это очень трудно, Владимир Александрович!
— Так и должно быть. Хорошо делать работу – всегда трудно...

Пусть эти слова Владимира Александровича Ядова будут услышаны не только мной. ■

Корреспонденцию отправляйте Валентине Узуновой на адрес <ymnesterov@gmail.com>

> Историческая фигура

советской и постсоветской социологии

Геворг Погосян, директор Института философии, социологии и права Армянской Национальной Академии наук, Президент Армянской социологической ассоциации, член ИК МСА по изучению миграций (RC31) и катастроф (RC39)

Существует ряд ученых, чьи имена ассоциируются с формированием определенной научной школы или целой научной дисциплины. Профессор Ядов был одним из них – пионер советской эпохи, чьи академические работы стали основанием советской социологии. С 60-ых годов исследования Ядова оказывали значительное влияние поколения советских и армянских социологов. Его три самые известные работы - «Человек и его работа» (1967, в соавторстве с А.Г. Здравомысловым и В.П. Рожиным), «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (1972), и написанная в соавторстве «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения» (1979) - стали настольными книгами советских социологов. Для многих молодых исследователей эти книги стали путеводными в мире советской социологии.

Благодаря своим классическим работам, Ядов стал живым образцом советской социологии. Те немногие социологи Армении, которым довелось общаться с ним, слушать его лекции и речи, и даже спорить и рассуждать о различных исследовательских проблемах, надолго, если не навсегда, заражались его особым отношением к профессии. Он был всегда открыт для других людей, вне зависимости от их возраста, академического статуса, этничности или идеологических взглядов. Он всегда уважал мнение своего собеседника и не пытался принудить к соглашению по спорному вопросу. Он оставил неизгладимое впечатление своими словами: «Самое сильное удовлетворение приходит, когда тебе удается постичь что-то новое, и позже ты передаешь это знание другим».

В период работы в Ленинградском ИСЭПе Ядову удалось создать творческую команду талантливых социологов. Атмосфера свободного и критического мышления кардинально отличалась от тусклой атмосферы других советских институций, проводящих исследования в области гуманитарных и социальных наук. Каждый, кто оказывался частью этой атмосферы, вскоре вдохновлялся духом свободного исследования и творческой мысли. По крайней мере, в Армении мы чувствовали ветер перемен и дыхание свежих идей, исходящих от лаборатории Ядова. Проницательный и требовательный в исследовательской работе, Ядов обладал особым обаянием, которое привлекало к нему молодых социологов всех республик СССР. Он отдавал себя целиком научной работе и особенно ценил креативность и оригинальность в молодых исследователях, поддерживая их критическое отношение к консервативным взглядам.

Ядов читает доклад на конференции.

Возможно, даже не осознавая этого, Ядов первым основал и затем стал центром огромного и невидимого виртуального научного сообщества, или даже «духовного братства» людей, исповедующих схожие взгляды. Особенно в последние годы своей жизни он верил, что социологи должны стараться повлиять на «движение социальных планет», как он сказал об этом в последнем интервью Борису Докторову. Ядов, чьи монографии создали фундамент формирования и развития новой области академических исследований в СССР, настаивал: «Если мы, социологи, ограничим себя лишь написанием книг, мы не исполним своего гражданского долга». Эта идея, на мой взгляд, может считаться последним завещанием Ядова. Мы, социологи Армении, будем всегда его помнить! ■

Корреспонденцию отправляйте Геворгу Погосяну на адрес <gevork@sci.am>